

Алена Алексина

Перехлестье

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Алёна Алексина Перехлестье

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9469516
Перехлестье: Роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1918-0*

Аннотация

Никогда не подходи к магу. Не прикасайся к нему, не благодари. Никогда не противься дэйну. Только он может спасти от мага. Почитай богов. Сторонись колдунов. И не пытайся изменить текущий порядок.

Но что, если в мире, где уже давно ничего не меняется, появится та, которая просто не знает устоявшихся правил? А когда узнает, не захочет им подчиняться? Что, если она прикоснется к магу, наплюет на богов и не побоится стать колдуньей? Что случится в этом случае? Скорее всего, боги просто не выживут. И это изменит все.

Содержание

Пролог	4
Путь первый. Грехобор	7
Путь второй. Глен	13
Путь третий. Василиса	14
Путь четвертый. Заря	18
Путь пятый. Дэйн	21
Перехлестье. Глен, Василиса и дэйн	22
Грехобор. Спустя время	28
Василиса и средневековая реальность	34
Перехлестье. Василиса и недоразумение	44
Глен и сила любви	52
Заря и муки совести	57
Глен и темные делишки	61
Перехлестье. Василиса и незнакомец	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алёна Алексина

Перехлестье

Автор выражает глубокую благодарность за помощь и советы своим замечательным друзьям: Chelcy, Sauria, БруСтар и Лизке, а также всем читателям, чья внимательность и неравнодушные помогли значительно улучшить эту историю.

Пролог

Много-много лет назад

Обнаженная нога покачивалась, отвлекая внимание. Белая, с мягким округлым коленом, она должна была притягивать взор, заставляя думать о теплой шелковистой коже и прохладных простынях. Мужчина опустил взгляд, чтобы не поддаваться на молчаливый призыв.

– Эта нахалка просто издевается надо мной! – Гневное восклицание заставило его все-таки перевести взор на обладательницу соблазнительного тела. – Я даже не удивлюсь, если выяснится, что она спит и видит, как я отойду к праотцам!

– Морака? – то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес мужчина.

Действительно, только родная сестра могла так легко вывести эту женщину из себя.

– Что на этот раз вы не поделили?

– Не поделили?! Она выразила соболезнования относительно твоей неверности! – Молодая пышнотелая женщина сердито отбросила за спину белокурую косу. – А еще поинтересовалась, как часто в постели со мной ты повторяешь ее имя! Да как она посмела!

Мужчина вздохнул, слушая эти гневные восклицания, но промолчал.

– Почему она все делает мне назло? Ей больше нечем заняться? Маркус?!

– Вы – богини, Талис, – мягко напомнил Маркус. – Ей просто скучно, вот она и... развлекается.

– Развлекается? Она пыталась присвоить себе мое творение! И решила, что это ей сойдет с рук.

– Ну ты же вернула «свое творение», – Маркус грустно усмехнулся. – Я здесь, у твоих ног, где мне и место.

Талис застыла и смерила собеседника пристальным взглядом:

– Ты недоволен?

– С чего ты так решила?

– Отвечай!

Мужчина поклонился:

– Ты – богиня. Как я могу быть недоволен? Ты сделала меня тем, кто я есть. Разве я могу сказать «нет»?..

– Кому? – Она вскинула бровь.

– Твоей сестре, например. – Голос Маркуса звучал ровно. – Тебя не было. Ты посещала свои храмы. И что в результате? Я наказан, а она шлет тебе издевательские письма.

– Зачем? – топнула ножкой прекрасная дева. – Зачем она это делает?! Она моя сестра, в конце концов!

Мужчина склонил голову, всем видом показывая, что божественное провидение – дело не его ума.

– Не смей молчать, когда я с тобой разговариваю!

– Моя богиня, речь идет о твоей сестре...

– Говори. Немедленно.

Узник вскинул глаза на красавицу, стоящую напротив:

– Талис. Ты младше. Она привыкла опекать тебя. А сейчас ты вырвалась из-под этой опеки. Стала сильнее. Красивее. Она просто пытается насолить из зависти. Твои храмы переполнены, твои слуги возносят молитвы в твою честь, а ее...

В покоех ощутимо похолодало, и через миг звонкая пощечина нарушила тишину комнаты.

На щеке пленника отпечатался инистый след маленькой, но такой сильной ладони. Маркус вздрогнул всем телом и снова склонился перед своей властительницей.

– Ты говоришь о моей сестре, – напомнила она.

– Прости, моя богиня. – Мужчина замер, а кожа там, где ее коснулась ледяная рука, стремительно немела и наливалась жгучей болью.

Но Талис не беспокоили его мучения. Она задумалась.

– Отчего ты прыгнул в ее объятия?

Пленник едва сдержал нервный смешок. «Прыгнул в объятия...»

– Меня к ней не влекло, но у... – Он хотел сказать «у вас», однако вовремя осекся: – У Мораки множество способов убеждения. Я не мог не подчиниться.

– И... и ты *не сказал*?! – разъяренная богиня снова топнула ногой. – Почему?!

– Когда, моя повелительница? Когда ты заковала меня в наказание или когда...

– Хватит! – Талис щелкнула пальцами, уничтожая цепь, тянущуюся от ног мужчины и крепящуюся к кольцу в стене. – Я ужасна, да?

– Ты – Талис. – Маркус провел костяшками пальцев по шелковистой щеке женщины. –

А я... никто.

Она улыбнулась, считая его слова прощением, а мужчина смотрел на богиню и поражался тому, с какой легкостью она забывает свои прегрешения.

– Наше соперничество становится даже забавным, – промурлыкала красавица, наслаждаясь лаской. – Сам посудите: маги, колдуны...

– Зачем они вам? – негромко спросил Маркус, продолжая поглаживать нежные скулы

Талис. – Зачем вам понадобились маги и колдуны? Для чего вы их создали?

– Богам нужны верные слуги – вершители их воли... Те, кто будет вселять страх, сеять хаос...

– ...и тем самым побуждать людей верить и возносить молитвы? – закончил он.

– Мм, ты умен... – Женщина усмехнулась. – Это так... волнует.

Он напрягся, пытаясь совладать с глухой тоской. Некогда сильный правитель, владыка огромной страны, Маркус и впрямь был неглуп, и Талис часто пользовалась его проницательностью и подсказками.

– Я лишь человек, моя богиня, – негромко сказал пленник, с любовью глядя в прекрасное запрокинутое лицо. – Мой век скоро закончится. Как я оставлю тебя?..

В его голосе было столько горечи, что Талис распахнула глаза и внимательно посмотрела в лицо, обезображенное ударом, – кожа на правой скуле почернела и начала отслаиваться.

Нежная ладонь скользнула по изуродованной щеке, исцеляя.

– Кто сказал, что скоро? И кто сказал, что ты меня оставишь? Я богиня. И рядом со мной может быть только бог.

– Я... смогу... стать равным тебе? Помогать? – медленно проговорил мужчина, глядя с обожанием на женщину. – Защищать?

Она улыбнулась:

– Меня не надо защищать, Маркус. Но ты будешь рядом. Всегда. Я так хочу. И у меня на это достаточно сил. Кроме того... мне нравится злить дорогую сестрицу.

– Талис... – Он замолчал, потому что дыхание перехватило.

Впереди вечность...

– У тебя такое лицо, будто бы ты счастливейший из живущих. – Она рассмеялась.

– Так и есть.

– О да... Что ты хотел сказать?

– Я знаю, как сделать так, чтобы Морака больше нам не докучала...

Женщина кивнула, позволяя рассказать, а выслушав, улыбнулась:

– Раз ты все это придумал, тебе и расхлебывать.

Маркус поклонился.

Путь первый. Грехобор

Когда придет полночный час и стук раздастся в дверь,
То не смыкай усталых глаз, обманным снам не верь.
Быстрее гостю отворяй, и пусть он в дом войдет,
Ведь только дэйн – ты так и знай! – от волшебства спасет!

Малышка напевала под нос, возясь на лужайке перед большим добротным домом. Девочка была очень занята – она строила из веточек шалашик для лыковой куклы. Солнце немилосердно палило с неба, припекая кучерявую макушку. В деревне царила тишина. Не горланили петухи, не блеяли овцы, даже цепные псы и те предпочитали лежать в тени, тяжело и прерывисто дыша, вывалив розовые языки до земли.

Жарко!

Может быть, именно поэтому сморенные зноем собаки не учуяли пришлеца? Он вошел в поселение никем не замеченный и медленно брел по дороге, загребая ногами пыль.

От магов дэйн спасет всегда, то знает млад и стар,
Он уничтожит без труда творца запретных чар...

Путник остановился в нескольких шагах от маленькой певуньи и замер, словно заслушался безыскусным мотивом. Осунувшееся темное лицо, иссеченное глубокими бороздами стариковских морщин, окаменело. Только растрескавшиеся губы сжались в тонкую линию, а ладони – в кулаки. Да еще старый шрам, едва заметный в складках морщин, стал белее.

Мужчина судорожно вздохнул и посмотрел на свои руки. Кончики пальцев стремительно сковывал мерцающий иней. Странник медленно разжал кулаки. Растер холодными ладонями уставшее лицо в попытке взбодриться и успокоиться. Все ведь правильно она поет. Дэйны и впрямь защищают от волшебства, подчиняясь укладу, завещанному людям от богов. Стоят на страже порядка. Вот только цена этого порядка уж слишком высока. И платили ее не жители деревень или городов, не служители храмов и уж точно не сами дэйны или в'идии.

«Уймись». И сразу отпустило. Во всяком случае, глухая, непримиримая ярость как-то поугасла. Холодный голос трезвого рассудка, эхом отозвавшийся в больной голове, прозвучал вовремя. Ой, не надо елe живому путнику думать о справедливости. Нет у лишенца права рассуждать о божественном провидении. Да и пользы от подобных мыслей никакой. Маета одна.

Поэтому странник шагнул прочь от безмятежно играющего ребенка. Шагнул... и остановился. Видимо, недостаточно он успокоился, потому что ноги против воли понесли его ближе к девчужке.

Вот ведь птаха беспечная! Она заметила незнакомца лишь тогда, когда мрачная тень упала на почти готовый шалашик. Девочка вскинула голову, жмурясь против солнца. Курноса. И верхняя губа трогательно вздернута. Ни испуга, ни оторопи. Смотрит на чужака с любопытством, даже прикрылась ладошкой от слепящих полуденных лучей. Взрослый как взрослый. Только тощий, запыленный, весь в морщинах, а седые патлы сосульками висят вдоль лица и спадают, не убранные, ниже плеч.

На мгновение ему показалось, что она не боится... Темный соблазн, неодолимый, выматывающий душу, подтолкнул мужчину сделать еще один – последний – шаг и протянуть девочке руку.

Такая чистая... такая левоверная... ребенок... Обмануть ее не составит труда, пока эти ясные яркие очи глядят в его – погасшие и пустые.

В этот самый миг глаза маленькой певуньи (которая уже и позабыла петь!) широко распахнулись – дитя увидело, что на правой руке мужчины нет мизинца. Несчастливая дернулась, чтобы сбежать, но уже попала в капкан пристального взгляда. Пухлые ручонки разжались. Лыковая кукла упала в траву.

Да, иди сюда, дитя, ближе...

Она поднялась, глядя огромными глазами, в которых застыл страх. Шагнула вперед, даже протянула ручонку, готовая принять его дар...

НЕТ!

Мужчина резко закрыл глаза, испугавшись сам себя, и отшатнулся, разрывая связь. Девочка хлопнула ресницами, в затуманенных зрачках вспыхнул запоздалый ужас.

Очнулась.

Заплакала от обиды и страха, бросилась прочь, путаясь ногами в подоле рубашонки, боясь оглянуться – вдруг *он* гонится следом?

Он не гнался. Остатки сил, что еще теплились в измученном теле, ушли на то, чтобы противостоять Злу, живущему внутри. Жажда, голод, усталость, отчаяние – все смешалось, и в этой жгучей смеси хотелось захлебнуться, ведь избавиться от нее, выплеснуть или даже просто разделить с кем-то другим не получится. Слишком долго ждал. Слишком долго шел...

– Эй! – Резкий окрик заставил мужчину разлепить сомкнутые веки.

Солнце сияло чересчур ярко. Слепило, усугубляло головную боль и жажду. Но все же сквозь обжигающе ослепительный свет получилось разглядеть спешащего к чужаку высокого крепкого и явно рассерженного парня. Лет семнадцати, не больше.

– Ты чего сестру напугал?! А ну...

В этот самый миг, когда грозное молодецкое «ну» должно было перейти в крепкий удар, вышибающий из полуживого странника остатки сознания и страданий, тот вскинул навстречу разгневанному заступнику обе руки.

Парень осекся и как-то сразу сжался – лишённые мизинцев ладони повергли его в оторопь. Он даже попятился, но через миг все же совладал со страхом, остановился, нахмурился и вновь шагнул вперед. Правда, уже без прежней решимости.

– Чего надо, бездольный?! Ты тут не нужен!

– Позови старосту, – едва слышно прошептал чужак.

Бушевавшие в нем боль, гнев, усталость, отчаяние уже побеждали рассудок, затапливали его глухой злобой. Еще немного и...

Похоже, стоящий напротив юноша это понял, потому что бросился прочь, испуганно оглядываясь на шатающегося из стороны в сторону пришельца.

Миг. Другой. Как долго они не идут! И солнце... солнце так печет... А во рту совсем пересохло, уже и язык не помещается, хочется вывалить его по-собачьи... И сердце так гулко тукает в висках, что можно оглохнуть. Мужчина снова закрыл глаза. Он не видел, как из дома напротив, крепко ругаясь и на ходу подтягивая штаны, бежит староста – кряжистый, совсем седой, но при этом подвижный и крепкий мужик с кустистыми бровями и поджатыми от досады губами. Вот он остановился напротив шатающегося путника, окинул настороженным взглядом по-прежнему вскинутые беспальные руки.

– Знахарь? – с какой-то затаенной надеждой в голосе спросил староста, приглаживая рукой всклокоченные волосы. И в сердцах выматерился, когда чужак в ответ отрицательно покачал головой.

– Выгони его, бать... – с благоговейным ужасом прошептал стоящий рядом парень, но тут же умолк, когда отец шагнул вперед.

Без слов поняв, чего от него хотят, странник слегка повернул голову, открывая на обозрение свой шрам – длинный и грубый, тянущийся от левого виска вниз по скуле, шее и так до самого кадыка.

– Грехобор... – выдохнул староста и резко повернулся к сыну. – Живо! Освободите с братьями водяную мельницу. Поставьте туда три пустых ведра, а одно наполните зерном! И принеси семь грошей. Чего стоишь, дурень?!

«Дурня» как ветром сдуло, а его родитель стремительно обернулся к виновнику переполоха и спросил:

– Сам дойдешь?

Тот в ответ только кивнул. Говорить сил уже не было. А потому он медленно двинулся вперед, загребая немеющими ногами дорожную пыль. В голове уже не осталось связных мыслей, только одно стремление – дойти. Потому что если не сможет...

Староста семенил следом, не зная, чем помочь жалкому доходяге, который мог сгубить всю деревню. Грехобора нельзя касаться, так что как бы ни хотелось дотащить эти живые кости до мельницы самому, приходилось лишь растерянно бежать след в след, крыть проклятого сквозь стиснутые зубы и надеяться, надеяться, что дотащит себя проклятый.

Путник едва брел, шатался, будто хмельной, один раз запнулся обо что-то в пыли (а может, и не запнулся – просто на ногах не устоял) и припал на колено. Староста охнул и от ужаса присел.

– Ну, давай, вставай, вставай! – Он бегал вокруг склоненного мужчины и хлопал себя руками по бокам, словно наседка, потерявшая цыпленка. – Уже ж пришли! Вставай, родненький!

«Родненький» сумел подняться с третьей или четвертой попытки. В нем уже не было жизни. Не было мыслей. Осталось только упрямство. И злоба. Яростная злоба на тьму, что вот-вот могла взять верх. Он брел, до скрипа сжав зубы, челюсти свело от мучительного усилия. А в ушах грохотала кровь: «Тук. Тук! ТУК!»

Силы покидали. И вот, в тот момент, когда измученный странник уже не надеялся достигнуть цели, в лицо ему повеяло прохладой близкой реки, а через миг слух уловил и мерное поскрипывание водяного колеса. Хвала богам, цель близка!

Лишь когда еле живой путник добрел до мельницы и даже не вошел – ввалился внутрь, с губ переполошенного старосты слетел вздох облегчения. Спасены. И он рывком закрыл дверь, чтобы не видеть того, что будет твориться внутри.

А внутри пока еще ничего и не творилось. Грехобор привалился к стене и судорожно дышал, пытаясь сглотнуть сухой ком, застрявший в горле. Тело била дрожь, внутри тоже все дрожало. Осталось чуть-чуть. Шаг. Другой.

Пустые ведра взлетели и поплыли по воздуху, когда мельничное колесо начало крутиться все быстрее, и быстрее, и быстрее. Деревянные бадьи наполнялись водой, летели к скорчившемуся на дощатом полу мужчине, опрокидываясь на седую голову и сторбленную спину. Но живительная речная влага не касалась накалившейся от солнца макушки и усталых плеч. Шипя, она превращалась в пар, и ведра стремительно мчались обратно, вновь погружались в реку и снова неслись назад. Бесчисленное количество раз. И долго, мучительно долго...

Когда Грехобор наконец почувствовал холод обрушившейся на раскаленное тело воды, за окном уже стояло утро следующего дня. Почти сутки в этот раз ушли на то, чтобы очиститься. Содержимое очередной бадьи окатило с головы до ног, и казалось, будто иссушенная кожа впитывает влагу, словно губка. Мужчина поднял голову, потряс мокрыми волосами, отгоняя стоявший перед глазами туман. Последнее ведро он опрокинул на себя уже сам, чувствуя, как прежние сила и спокойствие наполняют тело и рассудок, по-собачьи потряс головой и, наконец, глубоко вздохнул, словно очнувшись от сна.

Он направился ко второму выходу с мельницы, попутно захватив ведро, в котором еще вчера было зерно. Золотая сыпучая пшеница.

Речка встретила чужака прохладой и мерным плеском ленивых вод.

Груз чужого зла, скопившийся за последние месяцы странствия, казалось, уже вот-вот собирался расплющить под собой владельца. Не было ничего мучительнее, чем это странное тянущее чувство, возникавшее всякий раз, когда нечто неведомое рвалось наружу, грозясь высосать из тела все живые соки, все человеческое. Уже несколько дней странник не при- трагивался к еде – она, как и вода, стухала в его руках. Зато сейчас, когда вода смыла с него скверну, можно, по крайней мере, напиться.

Грехобор сделал несколько нерешительных шагов по настилу. С трудом переставляя еще неверные ноги, спустился по узкой лесенке к берегу. Здесь он встал на колени и припал к потоку, словно животное, что истомилось от жары и жажды. Он никогда не пил из горсти. Когда складываешь лодочкой ладони, лишённые мизинцев, не получается забрать в них много воды, да и пить не сподручно. Куда как проще прильнуть по-звериному и пить, пить, опустив лицо в холодный прозрачный поток.

Путник мог бы пить очень долго, но все-таки успел вовремя сообразить, что не принимал воды уже более полутора суток. К сожалению, измученный долгим переходом осознал это слишком поздно – тогда, когда желудок, доведенный до отчаяния, судорожно сжался, а затем подпрыгнул к горлу. Мужчина едва успел отвернуться к берегу, прежде чем его вырвало желчью напополам с водой. Он вытер губы, снова умылся и лишь тогда почувствовал, что стало действительно легче. Отсюда, с берега, сквозь плеск растревоженных волн доносилось мерное поскрипывание водяного колеса. И все-таки Грехобор слышал, как кричит от боли река, которая омыла его от скверны. Воды бурлили и пенились, бились о берега, яростно отбрасывая в траву мелкие мокрые камушки.

– Матушка, не гневайся. Примми, – тихо попросил странник.

И вода зашумела, словно принимая его просьбу.

Только после этого прищлец вывалил в поток прогнившее, испорченное зерно. Волны закипели, скрывая нечистоты в глубине, и река успокоилась.

– Спасибо, матушка.

Опустившись на берег, странник какое-то время бездумно разглядывал блики на воде. Сейчас, в этот миг, он был почти... спокоен. В душе не бушевало зло, ни одна темная мысль не проникала в мозг. Он сидел на траве, не чувствуя ни голода, ни жажды, ни жары, ни собственного уставшего за долгие дни пути тело. Как всегда бывало в моменты избавления, он не думал ни о чем, кроме спасения. Еще никогда прежде он не был столь близок к безумию.

Почувствовав на руке какое-то легкое шевеление, Грехобор скосил глаза и увидел, как по запястью медленно и деловито вползает на рукав рубахи пчела. Предоставив ей самой решать, к кому льнуть – к человеку или цветку, мужчина закрыл глаза. Теперь ему было странно подумать, что еще некоторое время назад пчела эта, сядь она на его руку, упала бы замертво.

Сегодня странник едва совладал с собой. Едва не сгубил случайно попавшуюся на дороге девочку. Как хотелось попросить ее: «Возьми! Возьми это! Возьми навсегда, чтобы я больше не знал подобной муки». Сейчас его даже передернуло от этой мысли. Чуть не убил ребенка, поддавшись собственной слабости. То-то маленькая испугалась и бросилась прочь. Дети не хуже животных и птиц чувствуют зло и опасность. Особенно такие крохи. Их не обманешь ни ласковыми улыбками, ни уговорами.

Лишенец устало усмехнулся, вспомнив, как замелькали в подоле рубашонки пыльные пухлые пятки. Хорошо, что девочка убежала. В этот раз ему было очень трудно бороться с подступившим искушением и болью, схватившей нынче за горло.

Мужчина снова открыл глаза и посмотрел, как пчела, деловито подергиваясь, продолжает ползти по грубой ткани рубахи.

Сейчас ему уже лучше, сейчас он может держать себя в руках и, пожалуй, даже сумел бы пройти мимо ребенка, не напугав того до слез. Он мог бы поиграть и с собакой или кошкой, вот только никто из зверей в здравом уме не подойдет к такому, как он, – слишком страшный путь у Грехобора. Столько зла, сколько носил в себе бездольный странник, безгрешное существо не может воспринять и выдержать. Потому-то чаще псы рвались с цепей, почуяв запах чужака, потому-то щенки, жалобно скуля, забивались в углы, а кошки шипели и изгибались дугой.

Вот уже девять лет как Грехобору не удавалось погладить или как-то иначе приласкать домашнее животное. Даже лошадь по холке потрепать. А когда-то он любил ездить верхом...

С той поры много воды утекло. Воды, которая смывала с проклятого путника чужое зло. Поскольку кому, как не проточной бурной воде, выполаскивать грязь и скверну? Вода все смоеет, все очистит и примет даже то, что не примет земля. Он с наслаждением вдохнул речной воздух – сладкий, полный мелких брызг.

Мужчина прижался спиной к мощной деревянной свае, которая удерживала часть настила перед мельницей, и посмотрел на небо. В пронзительной безоблачной синеве возникла черная точка. Она все увеличивалась и увеличивалась, росла и росла, пока не превратилась в птицу, кругами парившую над мельницей.

Вот птица сложила крылья и камнем рухнула к земле. Наверное, полевку увидела... Но нет. Опустилась в траву и скосила желтый глаз на человека. Грехобор глянул в сторону странного пернатого гостя, но не двинулся с места. Сокол... символ свободы. Он как издевка и постоянное напоминание о судьбе следовал за путником. И нет бы всегда, а то лишь последние несколько дней. Птица никогда не мешала, просто неожиданно вдруг оказывалась в поле зрения, появляясь именно тогда, когда это было особенно уместно. Когда измученный, усталый человек мог думать о чем-то другом, кроме зла, раздирающего душу на части. Когда он мог думать о себе. И о своей жизни.

Такое поведение живого существа было для мужчины в диковинку. Птица не боялась его! В отличие от людей... Мужчина на мгновение прикрыл глаза, пытаясь вспомнить ощущение от чужого прикосновения, и... не смог. Слишком давно это было. В той, другой жизни, в Клетке магов, когда его еще не сделали Грехобором. Когда он просто был.

Отгнав ненужные мысли, лишенец встал и направился прочь от реки, туда, где его наверняка уже ждали. Он оказался прав – у мельницы собралась мало не вся деревня. Староста стоял чуть впереди, сдвинув кустистые брови, а на земле перед ним лежали гроши. Подойдя, путник присел и поочередно коснулся пальцем каждого. Гроши почернели, впитывая силу чародея.

– Что делать, знаешь? – спросил странник, спокойно глядя в глаза старосты.

Тот пораженно кивнул, вглядываясь в облик незнакомого молодого мужчины – на загорелом лице чужака не осталось и следа былых морщин, серые глаза смотрели спокойно, а темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, больше не напоминали грязную паклю. Только широкая седая прядь у левого виска выдавала в нем того изможденного старика, который вошел в деревню накануне.

В остальном странник изменился – раздался в плечах, выпрямился и более не выглядел высохшим и истощенным. Если забыть про изувеченные руки, так просто загляденье: статный, крепкий, высокий.

Староста оказался столь изумлен, что не услышал вопроса. Лишь смотрел, не веря глазам, даже захотелось, простите боги, коснуться мага. Живой ли он? Или то Морака наложила какую-то волшебную...

Грехобор повторил свой вопрос громче, и теперь в его голосе прозвучала сила. Услышав ее, глава деревеньки испуганно отпрянул и еле сдержался, чтобы не осенить себя защитой.

– Знаю, Грехобор, – быстро проговорил староста.

Да, говаривали люди, будто с грехами на магов оседают и годы, и что стоит им очиститься, как молодость возвращается... Но одно дело слышать, как об этом болтают в кабаках да трактирах, а другое – видеть своими глазами. Вчерашний едва живой дед сегодня превратился в молодого мужчину, которому не дашь более двадцати семи лет от роду. Только глаза остались такими же древними и пустыми.

Староста помолчал, не зная, что еще сказать или сделать, и наконец спросил неловко:

– Поесть останешься?

Он говорил это и очень, очень хотел услышать в ответ отказ.

К счастью, маг отрицательно покачал головой. Ему нельзя переступить порог чужого дома. Он обречен скитаться. А есть на улице на потеху толпе и вовсе не будет. Еще одно проклятие, на которое лишенец уже перестал обращать внимание.

Не прощаясь, путник медленно пошел прочь. Он спиной чувствовал недобрые взгляды людей. Они смотрели ему вслед, радуясь и горюя одновременно. Радовались тому, что маг не задержался, а горевали, что не прошел мимо.

Теперь в деревне семь лет не будет хорошего урожая – по году за каждый четвертак, лежавший сейчас на земле. А если староста ошибется в заветах, закапывая черные кругляши, деревню придется покинуть, потому что земля перестанет родить, а скот начнет падать.

Грехобору не нужно было оборачиваться, чтобы видеть страх и злобу в глазах людей. Он знал, что его ненавидят. Боятся. Мечтают прогнать, если он не нужен, но молят прийти, когда он необходим. И оттого, что во всей Аринтме был всего один Грехобор, они злились и ненавидели его еще сильнее.

Интересно, как бы они боялись, узнай, что такой, как он – один во всем мире? Что это назвище было придумано нарочно для него и ни один маг более не сможет его нести?

Шаг. Еще один. Если бы кто-то спросил его – когда он остановится, Грехобор бы не ответил. Ему предстояло ходить по городам и весям столько, сколько выдержат рассудок и тело. И вот этой-то выдержки у разрешенного мага оставалось с каждым днем все меньше и меньше.

Идя по дороге, он уже не спрашивал себя, почему и за что боги так его наказали. В глубине души Грехобор давно понял – богам плевать на таких, как он.

Путь второй. Глен

Коридоры, коридоры, коридоры... Направо, налево, развилка. Бежать! Бежать!!! Он мчался сломя голову, почти не разбирая дороги, да и что тут разбирать в такой темноте? И все-таки врожденная осторожность заставила сбавить шаг, остановиться, ощутив, как опасно сгущается воздух вокруг.

– Колдун! – донеслось откуда-то издалека.

Ага, конечно, так он и отозвался.

Довольная усмешка скользнула по худому, заросшему черной щетиной лицу. Мужчина отвесил издевательский поклон стороне, из которой донесся этот пронзительный крик. Морок спал, делая синие глаза беглеца карими, а волосы из русых – черными. Позволив себе немного отдышаться, колдун по имени Глен развернулся и бегом направился к выходу, думая про себя: «И чего такого в этих виднях? Обычные женщины – недалекие, легкомысленные и думают лишь об одном».

Ха! Зато теперь его приятель, Джинко, со слезами будет отсчитывать три проигранных золотых, да еще и коня! А ведь из кожи вон лез, доказывая, что ни один колдун не затащит в койку провидицу! Чуть не лбом себя в грудь бил, уверяя, что защита дома не допустит внутрь твердыни «проклятого мага». Как же! Мага защита, конечно, не пропустила бы, но вот колдуна... Она и не почуяла Глена! Да он бы мог месяцами здесь жить, и никто из местных остолопов даже не заметил бы... Кучка самодовольных хорьков! Конечно, какой глупец полезет в обиталище дэйнов, туда, где живут видии и где вершат суд над магами?

Колдун несся к выходу и почти уже достиг тяжелой, обитой железными полосами двери, когда в воздухе заискрился голубоватый свет, а в коридорах резко похолодало.

Чтоб его! Дэйн!

Нет, Глен не боялся, что палач магов его учует. До тех пор пока сила колдуна мирно спит, ни один дэйн ему не страшен. Но все равно... как же неудобно! Эти... сволочи (назвать таких гадов людьми – язык не поворачивался) прилипали, как пиявки. Колдун должен быть убит – таково веление богов! Поэтому, если дэйн напал на след, запомнил манеру колдовства и сияние дара, можно было не сомневаться, что он не остановится, скотина, пока не загонит жертву в угол. А потом... приговор без суда. И вердикт всегда один – смерть.

Хотя колдунам еще везло, их всего лишь убивали. А вот магов... тут мысли Глена оборвались, потому что он учуял тяжелый запах раскаленного металла, сопровождающийся удушливыми нотками гари.

Близко.

Вот-вот настигнет!

Как учуял? Почему идет следом?

Собрав в кулак все оставшиеся после исступленного бега силы, колдун рванулся к выходу. Только не выдать себя, только сдержаться. Инстинкты выли и орали, требуя спастись. Лишь бы не впасть в соблазн, не применить силу. Но уж не настолько он глуп, чтобы подхлестывать себя магией. Не для того сюда пришел, чтобы бесславно сгинуть.

Воздух стал еще холоднее и кусался, как пес. Впивался в разгоряченную бегом кожу, превращал капельки пота в ледяной бисер и вынуждал применить хотя бы крохотное заклятие, чтобы согреться. Но беглец выдыхал в темноту коридоров облачка пара и лишь шире улыбался, предчувствуя скорую свободу.

– Колдун! – громом раздался за спиной лишенный всякого выражения мужской голос.

«Выкуси, дэйн!» – подумал про себя Глен, оборачиваясь, и вдруг застыл. Навстречу неслось вьюжной волной...

Нет! Не так! НЕТ!

Путь третий. Василиса

Василиса бежала. Точнее, не бежала, а семенила, мелко переставляя ноги. Семенила, уже еле сдерживаясь. Вот что за ёперный театр? О чем и чем думал архитектор этого торгового центра? Зачем он разработал проект лабиринта вместо проекта магазина? И что означала фраза Юрки: «Иди налево, не ошибешься»?

Налево... легко сказать, вот только когда у тебя топографический кретинизм, даже такой элементарный посыл оказывается трудностью астрономического масштаба.

В очередной раз взглянув на руки и сверив направление, девушка устремилась вперед. На ее левом запястье была затейливо вытатуирована буква Л. На правом – П. Но то для знатоков. А со стороны – просто красивые завитушки и дань моде. Однако для Васьки эти вензеля были насущной необходимостью. Без них она, как в тайге без компаса. Ну, а что делать, если постоянно путаешь лево и право? Масштабы своих блестящих феерических ошибок Лиса старалась не вспоминать.

«Вот зачем я выпила четыре чашки капучино после большого молочного коктейля? Ведь знала, что потом захочу воды, знала! Бутылка минералки вверх и – вуаля! – в теле назревает гидравлический удар, от которого вот-вот выпрыгнут глаза.

Даже Юрка – верный друг и Васькина совесть по совместительству – не смог оттащить подругу от новой кофейни. И вот результат – колени вместе, пятки врозь, застывший безумный взгляд и полный смеха крик в спину: «Не взорвись, моя Дюймовочка! Возвращайся целой! Я жду!»

О-о-ой... Да где же?! Что за невезение?

По закону подлости на пути страдальцы то и дело вырастала или неспешно шагающая парочка, или принаряженный манекен без головы, или бабушка с внуком. Вот и бежала резвушка, затравленно озираясь и огибая неожиданные препятствия.

Беда!

Да что ж за умник спроектировал торговый центр с одним туалетом на этаж? Лиска была не кровожадная, но сейчас от всей своей переполненной эмоциями души желала горелому инженеру съесть арбуз, выпить литр газировки и застрять в лифте!

Но пока в неописуемом (во всех смыслах этого слова) ужасе металась лишь она, сияя среди многочисленных отделов с одеждой, игрушками, украшениями, кожгалантереей отыскать вожделенную дверь с надписью «Ж». Впрочем, в нынешней ситуации уже и от «М» грех отказываться...

Ну, слава тебе, уборная сила, нашла! «Жо» свободно! Не привела судьбина повергать в смятение расслабленных мужчинок. Хлопнула дверь, лихо щелкнула задвижка. Уф. Успела.

Обретя долгожданную гармонию, девушка не спеша привела себя в порядок, застенчиво вспоминая, как неслась к кабинке с резвостью бешеной собаки. Стыдобища. Ну да ладно. Позорнее было бы не добежать.

Успокоенная этими мыслями, она отодвинула шпингалет и распахнула дверь.

В лицо ударило ослепительное солнце. Перед глазами раскинулся голый мартовский лес. Василиса заинтересованно посмотрела вдаль, высунула ладонь, осведомиться по поводу осадков, подумала. Потом мягко закрыла створку и тщательно задвинула щеколду. Огляделась. Белый кафель. Белый фаянс. Белый свет люминесцентной лампы, запах хлорки, шум бачка, набирающего воду.

Девушка задумалась. Еще раз нажала на кнопку слива. Снова постояла. Подумала. Поковыряла ногтем скол на одной из настенных плиток. Посмотрела под ноги, посопела. Но делать-то нечего – надо идти, не оставаться же век вековать на крышке унитаза? Опять

открыла дверь, в надежде увидеть закуток между отделами верхней одежды, а может, и парочку дам, раздраженных ожиданием.

Увы.

Солнце, лес, снег.

Может, еще раз попробовать?

Как в сказке, трижды?

Попробовала. Снег, лес, солнце. И жертва малой нужды – в кроссовках, тонких джинсах и легкой кофточке. А за спиной туалет.

Хм... Что ж, могло быть и хуже. А так... вода у нее есть. Удобства тоже под боком. Голод пока не терзает. Глядишь, к тому времени, как галлюцинации прекратятся, жертву кофейной невоздержанности и найдут.

Василиса в очередной раз благоразумно закрыла дверь, подошла к мойке и озадачилась. Искала нестыковки с тем, что помнила. Ну, раз уж она сошла с ума, следовало хотя бы попытаться понять, как давно это случилось? Уж не тогда ли, когда она поступила в кулинарный техникум? А может, когда устроилась работать помощником повара в кафе «Сказка»? Или, может, когда пыталась отбелить веснушки в салоне красоты, а вместо этого стала похожа на перепелиное яйцо? Или во время очередной диеты, накручивая педали велотренажера? А что? Могла ведь от нагрузки... А может, когда последний раз прыгала перед зеркалом, мучительно втискивая себя в утягивающие рейтузики, чтобы предаться сладкому самообману и с пятидесятого размера «похудеть» до сорок восьмого?

А может, это сон? Ну точно! И она изо всей силы дернула себя за волосы. Ой! Не сон. И потом, во сне она всегда стройная красавица с летящими белокурыми волосами, легкой походкой и солнечными зайчиками в голубых глазах. А тут? Девушка оттянула слегка вьющуюся каштановую прядь. М-да. Не блондинка. И глаза наверняка не голубые, в цвет неба с картин Моне, а серо-зеленые, в цвет страдающей от обезвоживания лягушки. Да и килограммы все на месте. Куда ж им, родным, деться?

– Хотя что-то в этом мире неизменно, – глубокомысленно изрекла Вася, похлопывая себя по могучей талии.

И в этот самый миг ее ни много ни мало вышвырнуло из безопасного убежища прочь. Ну да, дверь туалета распахнулась, впуская в царство хлора и фаянса яркое солнце, а за спиной Василисы раздался то ли рык, то ли рев. Девушка полетела в сугроб, как парашютист-дилетант из люка самолета – враскоряку, плашмя, захлебываясь от крика.

Шлеп!

А позади что-то свирепо и кровожадно засвистело, захрюкало. Оглядываться и выяснять, что именно там происходит, почему-то не захотелось. Мало того, несмотря на плохую физическую подготовку и мокрые сугробы, Лиска стремительно понеслась прочь. Бежать оказалось на удивление легко. Видимо, она впервые отдавалась процессу так самозабвенно. Увы, прервалось все слишком быстро – зацепившись ногой за ногу, бегунья полетела кувыркком и растянулась в снегу.

Само собой, теперь даже речи не шло о том, чтобы подняться на ноги, – как же можно тратить ценные мгновения! – и девушка припустила от неведомых преследователей на четвереньках. Не чувствуя усталости и веса, она мчалась прочь от страшного места, пока не случилось три знаковых события. Первое – Васька упала лицом в снег. Второе – ее рот, раскрытый в крике, в связи с первым, захлопнулся. И третье – в тот самый момент, когда случилось второе, она поняла – никто за ней не гонится, а пугающие звуки были всего-навсего свистом воды в трубах канализации, помноженным на эхо.

Осознав всю тщету пережитого ужаса, девушка не стала бороться с собой и бесславно разрыдалась. Однако долго плакать, уткнувшись носом в снежный наст, невозможно, да и холодно, к тому же характер «спокойный, нордический» не предполагал долгие истерики.

Итак, наши действия? Первое: оглядеться в поисках ориентира. Мм... кочка со стоящим на ней пнем – ориентир?

Ну, ориентир или нет, а присесть и обдумать произошедшее на нем удобнее, чем стоя по колено в снегу. Василиса взгромоздилась на пень, отряхнула кроссовки, посмотрела на небо, закашлялась и стала размышлять. Точнее, мелко дрожать и стучать зубами.

Искать направление по солнцу ей показалось бесполезным – не умела, да и солнышко на этом небе было странное, с двумя яркими звездами по бокам.

– Прекрасно, – буркнула девушка, разглядывая окрестности.

Итак, она куда-то попала. При чем куда и зачем – неизвестно, как себя вести – непонятно.

Инструкцию – то есть разные книги про попаданцев – Лиска не то чтобы не читала. Читала. Аж целых три инструкции. Только ни разу не добиралась до финала. Героини были все одна к одной – вечно прекрасные, фигуристые девы, которые, ничего в реальном мире не умея, вдруг начинали метко стрелять из лука, рубиться на мечах, скакать на лошади, искрить остроумием (правда, не смешным), соблазнять злодеев и спаивать чертей. Или соблазнять чертей и спаивать злодеев? Васька почесала затылок, пытаясь вспомнить, что еще происходило в подобных книгах. Ну да, навязанное спасение мира и приручение какого-нибудь язвительного и наглого домашнего питомца, умеющего говорить и обладающего всеми возможными ништяками.

Стало грустно. Очень. Животных, конечно, она любила, но самых обычных – собак и кошек. Лошадей Василиса боялась – такие махины! А при одной только мысли о фехтовании на мечах ей снова захотелось в туалет. И блистать наглостью она не любила. А уж мир спасать – тем более. Как представила себя новоявленная попаданка верхом на боевом рысаке, с двуручником наперевес и криком: «Ура, мы порвем их!» – так ей резко и поплохело.

– ЛЮДИ!!! – Вопль, полный отчаяния, канул в пространстве.

В ответ с ветки соседнего дерева ржавым голосом гаркнула птица. Птица оказалась огромная, черная, с клювом, похожим на плотницкое долото. Ворон, что ли? Увы, Василиса – городская жительница – в пернатых ничего не смыслила, знала только кур да индеек. И то потому, что иногда чего-нибудь из них готовила. Но этот летун явно не был индейкой и уж давно – курицей.

Ворон склонил голову набок и с равнодушным интересом взирал на неведомую чужачку. Вот тебе и питомец.

– Нет-нет-нет! – Растопырив пальцы, девушка вскочила с пня и, путаясь в ногах, попятилась прочь от пернатого.

Тот смотрел не мигая. Взгляд его был ну точь-в-точь, как у Юрки, – выжидающий и ехидный. Сразу стало ясно – понимает все до слова.

– Ты ошибся. – И Васька, резво подпрыгивая в сугробах, устремилась прочь. Подальше от крылатой бестии.

Дыхалки хватило минуты на три, упрямота – еще на пять.

Сугробы, голые деревья и тишина.

Куда идти-то?

Разумеется, можно было дождаться темноты, залезть на самую высокую елку и посмотреть на горизонт – где небо светлее, там и город. Однако супротив этой идеи выступали два наиважнейших довода. Первый. Вася в жизни не забралась бы на дерево. А если бы и забралась (предположим, что дерево даже выдержало это надругательство), то уже не слезла бы. Второй. Чтобы увидеть свет над горизонтом, нужно дождаться темноты, а у девушки при нынешних погодках, прямо скажем, на это оставалось мало шансов.

И вот Лиска брела, выдергивала ноги из талого снега, чувствовала себя отвратительно, но все равно тащилась вперед. В душу тем временем закрадывались подозрения: уж не при-

дется ли ей вечно тут скитаться, как в античном аду, – в холоде, голоде и сырости. Тьфу! Нормальные грешники те хоть в тепле...

Но, говорят, пока у человека есть цель, он небывало живуч. Если верить этому утверждению, Вася рисковала вплотную приблизиться к бессмертию. Видел бы Юрка, где оказалась его приятельница через туалет и свою невоздержанность в кофе! Мокрая, замерзшая, жалкая, бегают от птиц и, наверное, скоро упадет замертво, только косточки останутся под деревом белеть...

Василиса всхлипнула от острой жалости к себе и своим бесприютным костям, выдернула ногу из сугроба и прошептала посиневшими губами: «А дома сейчас лето!»

Путь четвертый. Заря

Ее разбудил кашель. Встряхнул на жестком тюфяке, разодрал болью грудь, поднялся в горле, готовясь вырваться наружу – надсадно и оглушительно в утренней тишине. Девушка испуганно зажала рот и нос руками, давясь, захлебываясь, но стараясь не издать ни звука. Уткнулась лицом в тощую подушку, сотрясаясь всем телом. Великая богиня, пусть *он* не услышит, пусть не проснется! За стеной что-то скрипнуло и затихло. Повезло.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Главное – не думать о том, как хочется закашлять. Не сжимать горло. Вдох. Выдох. Медленно. Но в гортани щекочет, и грудь горит огнем, как от удущья.

Глаза слезились, в висках стучало, но Заря заставляла себя размеренно и глубоко дышать, не обращая внимания на саднящую боль. Еще несколько мучительно долгих мгновений, и приступ прошел, оставив после себя лишь головокружение и влажные хрипы в груди. Девушка отбросила тонкое и оттого очень холодное одеяло, сдернула со стула платье, старенькую шальку и поспешно оделась.

Она спала в рубахе и чулках, но все равно мерзла. Печи в этой комнате не было. Говорили, будто при ее недуге отдыхать надо в прохладе. Однако это не помогало. Вечная стынь, зябкая дрожь и кашель оставались неизменными спутниками больной. Она мерзла постоянно и уже не мыслила себя без кусачего холода, без вечно ледяных рук и ног, без постоянного желания съежиться.

Согреться удавалось лишь на краткие мгновения – когда приходилось сдерживать приступы кашля, но тогда тело покрывалось липким потом, и после становилось еще холоднее. Заря, неслышно ступая и стараясь не скрипнуть ни единой старой половицей, коих было так много в этом ветхом доме, вышла во двор.

Несмотря на то что кое-где – в тени возле ворот, за дровяником – еще лежали бугры осевших истончившихся сугробов, солнце грело уже по-весеннему. Несколько мгновений девушка блаженствовала, запрокинув голову, наслаждаясь прикосновениями светила, ласкающими ее худое, изможденное лицо.

Век бы так стоять и ни о чем не думать!

Материнская нежность, забытая, как само детство, была в солнечном свете. Солнце дарит тепло, как мать, ничего не требуя взамен, не упрекая. Солнцу все равно, что на тебе печать проклятой. Ему нет дела до того, что среди людей ты не стоишь и мимоходом улыбки. Оно не станет жадничать и жалеть тепла, зная, что жить тебе осталось совсем чуть-чуть. Оно просто греет. Всех. Одинаково.

Еще один вдох. В груди все еще влажно булькает. Хватит бездельничать. Скоро *он* проснется. Девушка взяла ведра и, приволакивая левую ногу, торопливо захромала к колодцу. Надо напоить и накормить скотину, затопить печь, приготовить завтрак и не попасться *ему* на глаза.

Заря никогда не жаловалась богам на жизнь, как делали многие. Зачем? Если боги наградили тебя судьбой проклятой, значит, таков их замысел, и нытье лишь рассмешит их, а еще хуже – разгневает. Да... не любила она богов. А за что любить? Ее род уже давно должен был прерваться, но все цеплялся за жизнь... Жалкие попытки! Она последняя. И в этом нет ни малейших сомнений.

Прапрапрабабка Зарии происходила из лантей – жриц богини любви, одной из самых капризных небожительниц, которая могла щедро одарить, а могла и жестоко наказать. И вот... не повезло. В мире, где главенствовали мужчины – наследники и продолжатели традиций, – в роду Зарии рождались только девочки. А все потому, что у лантеи мальчик мог появиться на свет только от союза любви. Но ведь жрицы на то и жрицы, чтобы видеть

сокровенное – все, что лежит на сердце у избранника. А зная истину, трудно любить и прощать. Невозможно.

Сколько веков они пытались обмануть судьбу! Каждая. Ни у одной не получилось. В свое время будущему отцу Зарии даже не сказали, что та, кого он взял в жены, происходила из жриц. Глупая надеялась, что это позволит ей полюбить мужа, а мужу – полюбить ее. Но, наверное, богиня Талис лишила лантей своего благословения, потому что в очередной раз на свет появилась дочь. А потом еще одна и еще. У Зарии было пять сестер, но выжила лишь она, хотя и сама не понимала почему.

Болезненно худая, с выпирающими ребрами и позвоночником, с костлявыми руками, острыми плечами и тонкой шеей – девочка, казалось, должна была умереть еще в младенчестве. Но она яростно хотела жить – от одной хвори до другой, но жить! И по сей день последняя из рода лантей выглядела истощенной замарашкой – треугольное бледное личико с резко выдающимися скулами и острым подбородком, круги под глазами, в уголках губ страдальческие складки.

Гладкие волосы цвета воронова крыла делали девушку еще бледнее, еще некрасивее, и Зария безжалостно стягивала их в тугую косу, строго следя за тем, чтобы ни одна прядь не выбивалась. Ненавидя свои «коровьи», непомерно большие на таком маленьком лице глаза, она прикрывала их длинной густой челкой и никогда не смотрела в лицо собеседнику, предпочитая разглядывать носки собственных башмаков. Знал бы он, что она делает это не по его приказу, а лишь потому, что терпеть не может глядеть на людей, в людей и видеть их внутреннюю гниль...

Закусив бледные губы, последняя из рода лантей поволокла полные воды ведра обратно. Как странно, ей всего двадцать, а кажется, словно все восемьдесят. Из этих двадцати – пять лет она провела в замужестве, купленном отцом. Пять лет кошмара, который все никак не прекратится.

Будь она хоть немного сильнее духом – сама бы покончила с собой, остановила затянувшуюся пытку. Да только прав оказался отец, когда говорил, что она никчемная, ничего толком не умеющая. Иначе не терпела бы издевок и затрещин. Не вжимала бы голову в плечи. Но, страшно признаться, больше всего на свете этой хилой, забитой девушке хотелось жить.

Жить!

А зачем, почему, она и сама не могла объяснить.

– Эй!

Так странно... В ее присутствии выплывают все скрытые пороки людей, словно грязная пена, которую поднимает прибой. И этим прибоем была Зария. И не важно, что с виду человек добр и приятен. Оказавшись рядом с ней, он словно отпускал все таившееся в душе зло – гневался, сквернословил, норовил обидеть безответную замарашку. Этот ужас, который мать называла проклятием рода лантей, преследовал девочку всю жизнь.

Одно радовало: мама, хотя и прожила недолго, успела научить дочь *таиться* – так она называла это маленькое... даже не колдовство, а скорее знание. Не всесильное, но весьма полезное. Вдох, и Зария уходила глубоко в себя, не замечая происходящего. Она была с миром, но была вне мира. Могла говорить, ходить, но сама словно находилась где-то далеко-далеко...

С виду она оставалась прежней: те же опущенные долу глаза, та же хромота, голова, втянутая в сутулые плечи, суетливая торопливость движений... Вот только настоящая Зария не имела к этой жалкой пародии на женщину никакого отношения. Она уходила в свой мирок, в котором царили лишь звенящая тишина и пустота. Туда не доносились насмешки и оскорбления, там почти не ощущалась боль от тычков и затрещин. Там было тихо... Иногда, «возвращаясь», она с удивлением понимала, что нареченный поставил ей новый синяк или облил неудавшейся стряпней.

Да, наверное, именно это знание раз за разом спасало жизнь и рассудок девушки последние пять лет. Но она не хотела об этом думать, да и незачем.

– Я тут, – тихо ответила она на окрик. – Тут.

Зария так и не подняла на него глаз. Что там нового? Маменькин сынок с прямым пробором в гладко расчесанных, но уже редющих волосах, с румяным лицом и колючими глазами. Он на самом деле трус. И часто боится. Всех, кроме жены. И выпить любит. Кирт торговал на рынке в мясном ряду, он лебезил перед покупателями, что не мешало ему продавать им несвежее мясо или ловко обсчитывать.

Когда отец привел Зарию к нему на смотрины, она последний раз в жизни рыдала, умоляя не отдавать ее этому... человеку. Нет. Склонившись над девчонкой, огромный мужчина со злыми глазами сказал только: «Твоя мать обманула меня». Вот и все. Мертвым не отомстить. А живым вполне себе можно.

Тогда юная невеста впервые в жизни смогла «затаиться», сама не поняв толком – как. Как-то. Просто иначе сошла бы с ума.

Ее продали за гроши, с условием, что после смерти «любимому» отойдет дом, корова, две свиньи и десяток кур – все ее немудреное приданое. Но если незадачливая молодуха, как и ее мать, родит девочку, семья мужа сможет расторгнуть обязательства и вернуть подпорченный «товар» обратно владельцу. Правда, вместе с приданным и деньгами за его пользование.

Кирт прекрасно знал, кем была мать Зарии, а потому понимал – сына ему вряд ли стоит ждать. Поэтому мужчина не стал настаивать на исполнении супружеского долга. Слишком хорошее приданое давали за проклятой девкой. Да и, как ни крути, богиня берегла своих чад так, что даже возжелай Кирт сделать доходягу настоящей женой, ничего у него не получится. К тому же слишком страшная она была. С такой в постель лечь, все равно что со стиральной доской обжиматься – тонкая, ребристая, отовсюду углы торчат.

Зато во всем остальном Кирт не сдерживался. Никак он не ожидал, что замарашка столько проживет. Шестой год уж перед глазами маячит. Всю душу вымотала, оглобля ходячая, а никак не загнетса. И он, как умел, старался помочь загостившейся на этом свете жене. Где пинком, где затрециной. А она терпела. Потому что ничего другого просто не умела делать.

Путь пятый. Дэйн

Вот уже девять лет у него была своя маленькая слабость. Странно, учитывая, что слабостей у него не должно быть, но...

Он приезжал сюда, в это место, раз в год, чтобы встретить рассвет. Дэйны не умели наслаждаться, не умели создавать, не умели восторгаться или гневаться. И он тоже. Вот только все равно раз в год прилетал сюда, чтобы увидеть, как небо над горизонтом постепенно светлеет, как гаснут звезды и встают солнца Аринтмы.

А из рассеивающегося полумрака медленно выступали развалины.

Обрушившиеся каменные стены, возносящиеся в пустоту лестницы, проломы на месте окон, обвалившаяся кровля, обломки досок и бревен... В лучах восходящего солнца серые камни казались розовыми и искрились от инея. Это было... красиво? Мрачно? Он не знал, какое определение можно дать руине, некогда носившей гордое название Клетки магов.

Мерзлая земля, которая за эти девять лет так и не избавилась от последствий волшбы, оставалась мертвой. И трава под ногами была та самая, что и девять лет назад. Здесь не падал снег, не шли дожди. Просто холод сковал все инеем, делая воздух прозрачным и звонким, а рассветы ослепительными и искрящимися.

Сюда не залетали птицы, не забредали звери. Даже ветер и тот шелестел замерзшей листвой деревьев как-то торжественно и осторожно, словно боясь нарушить величественную тоску этого места. Тут царил тишина. Может быть, именно поэтому дэйн поддавался странной прихоти и все-таки из года в год возвращался сюда, потому что только здесь чувствовал себя по-настоящему спокойно.

У него уже очень давно не было дома. Настоящего дома, где он мог бы жить, но, случись ему выбирать, свою жизнь он прожил бы здесь.

За спиной мужчины раздался едва слышный звук – словно кто-то вздохнул. Дэйн не стал оборачиваться, прекрасно зная, что увидит. Вместо этого он продолжил смотреть на небо. Оно уже утратило свой нежно-розовый цвет и обрело оттенок талого льда.

Пора уходить.

Мужчина вдохнул морозный воздух, повернулся и остановился рядом с домом, которого тогда, девять лет назад, здесь не было.

Еще одна его прихоть.

Зачем строить дом? Здесь? Кому? Ведь у него никогда не будет той, которую он сможет в него привести. Но все же... он коснулся каменной кладки, провел ладонью по холодной стене, наблюдая за тем, как следом за пальцами бежит мерцающий иней. Дом. Холодный. Пустой. Одинокий. Сила и слабость дэйна. Живой.

Как? Почему? Задумавшийся наблюдатель не хотел отвечать на эти вопросы.

Он не жалел себя. Жалость бессмысленна. Он сам выбрал такую жизнь. И оплакивать самого себя не собирался. Пусть этим занимаются колдуны, которые всегда считают виноватыми в своей судьбе других.

К слову о колдунах... губы мужчины тронула улыбка. Эти глупцы думают, что в руинах их никто не найдет – слишком много здесь осталось от магов. Не-э-эт, запах тлена, ползущий от их душ, он не спутает ни с чем.

Дэйн скользнул вперед, неслышно приближаясь к руинам. Все было забыто – стыдливые краски рассвета, иней на траве и холодные каменные стены дома. Душой палача магов завладела привычная бесстрастность.

Перехлестье. Глен, Василиса и дэйн

Ветер донес слабый отголосок колдовства.

Если ты не имеешь отношения к магии – никогда не почувствуешь такое. С чем можно сравнить? Ну, как будто идешь по людной улице и вдруг ощущаешь на себе чей-то взгляд. Не совсем, конечно, верное объяснение, но, пожалуй, самое справедливое. Просто чувствуешь, и все. Вот как можно осознать, что на тебя смотрят? Не объяснишь же. Так и с колдовством. Вдруг понимаешь – вот оно!

Поэтому, едва ощутив в воздухе легкое витание чужой силы, Глен весь подобрался. Нужно определить источник. Где же... где? Непонятное бормотание на мгновение отвлекло мужчину от попыток обнаружить неизвестного мага и даже заставило вскинуть брови в веселом удивлении: мимо брела, продираясь сквозь чащу, девушка, столь забавная и чудная, что, глядя на нее, против воли хотелось рассмеяться.

Кудрявые волосы облепили круглое веснушчатое лицо, диковинные штаны обтягивали пухлую фигурку, как вторая кожа. Незнакомка шла, проваливаясь в осевших весенних сугробах, и в упор не видела, что в трех шагах от нее вьется натопанная тропинка. Путница сварливо бормотала что-то про уборные, двери, минеральную воду, ворон и какого-то Юрку. Наконец иссякла и остановилась перевести дух – прислонилась к дереву, устало вздохнула.

Вот тут-то Глен снова почувствовал чужое колдовство. Легкая дрожь в воздухе, волнующее напряжение, будоражащее все пять человеческих чувств – от зрения до слуха. Да что это может быть?!

Тем временем глаза странноватой особы, притулившейся у шершавого ствола сосны, на мгновение потускнели. Так бывает, когда человек задумается о чем-то и смотрит в одну точку, постепенно утрачивая чувство времени, или... Да неужто? Путница вдруг отлепилась от дерева и почти бегом устремилась куда-то в чащу. Совсем в другом направлении...

Зазывают.

Интересно, для чего?

Хм. А почему бы не узнать? Все равно он застрял *тут* надолго. А так – хоть какое-то развлечение.

Васька тем временем не шла – летела. Желание обсохнуть и отдохнуть было обезоруживающе сильным и затмевало даже легкое поскребывание здравого смысла. А он меж тем с цивилизованным скептицизмом любопытствовал, мол, почему это Василиса Евтропиевна так уверена в том, что скоро ей будет тепло и хорошо? Не прихворнула ли она? Не ударилась ли головой о какой-нибудь коварно спрятавшийся в снегу пенек во время своей десантной высадки из уборной?

Ведь могла бы уже Лиска заметить за двадцать-то четыре года, что каждая ее непоколебимая уверенность в чем-либо влечет за собой глобальную катастрофу или маленький, практически карманный апокалипсис. Но пока здравый смысл распинался и сыпал аргументами, ноги стремительно мчали пышное тело хозяйки по кочкам и сугробам и плевать хотели на сварливое бурчание всяких зануд.

И вот, в процессе бессмысленной внутренней борьбы рассудка и инстинктов, самостоятельные и непривычно резвые конечности вынесли обладательницу из чащобы на просторную полянку. Здесь, на открытом месте, снег кое-где почти совсем стаял, но земля оставалась мерзлой и твердой.

Потеряшка остановилась, с удивлением осматриваясь. Минувший бег по сугробам вспоминался смутно. И если бы не кололо так отчаянно в правом боку, Васька, пожалуй, и не поверила бы, что способна на такой лихой спринтерский рывок. Ну вот, хоть ущипни – не помнила подробностей своей резвой скачки!

Но эта полянка... почти декорация к сказке!

Девушка даже благоразумно помотала головой, отгоняя видение, пощипала себя за рыхлые выпуклости... и поняла, что увиденное не примерещилось – перед ней стоял дом! Приземистый, с дерновой крышей, аккуратными оконцами, почти вросшими в землю, низкой, обитой железными полосками дверью, каменными ступеньками крылечка. Летом здесь, наверное, все порастает травой, а на земляной крыше цветут незабудки...

Сейчас же пологий холм кровли был одет снегом и из осевшего сугроба торчал дымоход. Увы, каменная труба не исторгала из себя ни дымка, ни искорки, да и тропинка, ведущая к зимовке, казалась порядком заброшенной – свежих следов на ней не виднелось, только оплывшие на весеннем солнышке старые лунки.

А здесь вообще живут? Здравый смысл вступил в неравный бой с не менее здравым желанием обсохнуть и согреться. И как бы ни кричало благоразумие, что милая зимовка вполне может оказаться пряничным домиком из страшной сказки, Василиса все-таки сделала шаг вперед. Да в домишке-то этом и нет наверняка никого, а она тут стоит, трясется. И девушка решительно двинулась вперед.

Дверь открылась на удивление легко, даже не скрипнула. Однако внутри было ни зги не видно и зябко. Как в погребе.

– Есть тут кто? – осторожно поинтересовалась Лиса у молчаливого полумрака. – Войти-то можно?

Темнота ответила молчанием. И замерзшая странница шагнула под мрачный кров.

И вот, стоило ей войти, как из глубины землянки незнакомый хриплый голос злобно рывкнул что-то непонятное. Когда на тебя внезапно орут из темноты, да еще с такой яростью, да еще какую-то абракадабру, вряд ли станешь переспрашивать. И Василиса дернулась всем телом, чтобы устремиться прочь – на свободу с чистой совестью, но... Проклятые ноги, против всякой логики, понесли ее вперед, на верную погибель.

А инстинкты тем временем хором взвыли в голове только одно слово – ПРОЧЬ! Васька почувствовала себя героиней типового ужастика: вот знаешь – не надо идти, и зрители по ту сторону экрана в этот момент обязательно орут, мол, куда ты, дура?! – но все равно идешь. И не то чтобы хочешь дойти и достигнуть, так сказать, источника мерзких звуков, сколько... просто ноги не подчиняются. Ну не хотят они в обратном направлении.

Все это девушка успела подумать буквально за долю секунды. Тьма снова горланно рывкнула, и Лиске стало окончательно ясно – добрых самаритян в избушке нет. Ни единого. Мало того, и злых тоже нет. Ибо сидит в крошечной тьме «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лай!».

Осмыслив эту новость, Васька попыталась заставить ноги бежать к выходу, даже развернулась, но конечности снова воспротивились. Сегодня они явно решили действовать автономно от своей обладательницы.

Стоявший незамеченным Глен высоко поднял брови, наблюдая затейливые перемещения диковинной незнакомки. Извернувшись всем телом в сторону двери, девушка медленно шла вглубь избушки, переставляя непослушные ноги. Какая борьба с собой! Она даже пыталась зацепиться пальцами за стену, чтобы остановить неподатливое тело, и прошипела: «Век вам за это ходить на самых высоких каблуках, предатели проклятые».

«Веселая девчонка», – подумал колдун. Он впервые видел, чтобы женщина так яростно и задорно боролась с собственным страхом, не замечая ничего вокруг. Даже самого очевидного – того, что сопротивление... бессмысленно.

– Закрой дверь, – приказал мятущейся жертве утомленный женский голос, в котором не слышалось и тени жизни.

Но та, к кому был обращен этот приказ, продолжила стоять неподвижно. Только хмурила брови и шевелила губами. Не понимает! Парень хмыкнул – интересно. Насколько ему

было известно, единый язык понимали абсолютно все. Откуда же принесло эту кудряшку? И как хорошо, что Глен в силу своего, хм, положения понимает все, что она говорит.

А Васька и не подозревала, что за ее попыткой выжить в жестокой тьме старой зимовки наблюдает посторонний. Она подумала-подумала и сказала с расстановкой:

– Я. Вас. Не. Понимаю. Совершенно.

– Дура! – ответила обитательница хижины.

Видимо, обиделась.

Глен прислонился плечом к дверному косяку, продолжая наблюдать за происходящим – уж больно любопытно все выглядело.

Короткое заклинание, брошенное хозяйкой землянки в гостью, заставило последнюю поморщиться, что еще больше удивило колдуна. Обычная девушка чувствует колдовство?

– Закрой дверь.

Теперь она понимала. Еще бы, магия и не на такое способна. Вот девушка вздохнула, еще сильнее нахмурилась и отправилась выполнять приказ. Мужчина слегка посторонился, зная, что его не увидят, но не желая оставаться за стенами хижины.

Слабое свечение озарило убогое жилище: закопченные стены, земляной пол, остывший очаг, какую-то рухлядь по углам и лежанку с облезлыми шкурами и тряпьем поверх грубых досок. На ложе покоилась обитательница жутковатого дома. Ее нельзя было рассмотреть в ущербном свете волшебного огонька, получалось лишь угадать очертания человеческого тела.

– Подойди. Быстро, – приказала лежащая без сил женщина.

Скрипнули зубы. Гостья не хотела подчиняться. Хм. А лошадка-то с норовом!

– Может, на коленях подползти и облобызать стопы? – спросила нахалка, не двигаясь с места.

Глен мысленно зааплодировал.

– Подойди!

И снова тягучая волна чужой силы пронеслась в затхлом стылом воздухе, обвилась вокруг лодыжек стропливой особы и потянула, подчиняя себе волю.

Ноги сделали несколько шагов вперед вопреки воле и желанию разума. Организм Лисы с такой готовностью кинулся исполнять команду, что девушке оставалось только с интересом наблюдать за его горячечными действиями.

– Встань у окна, – незамедлительно последовал новый приказ.

Вероломные ноги отчеканили пару шагов в нужном направлении. Васька навтыжку замерла в полоске тусклого света, безуспешно таращась в подсвеченный жидким сиянием полумрак. Она все пыталась рассмотреть хозяйку хижины, но тщетно – так, копошилось что-то под рваными одеялами. Голос был не молодой и не старый, а звучал с царапающим слух неблагозвучием.

Обитательница землянки молчала, о чем-то размышляя. Наконец пробормотала под нос нечто неразборчивое и сжалилась:

– Возле очага кузов. Переоденься в сухое.

А вот эту команду девушка исполнила даже с азартом – на радостях тело и рассудок решили не конфликтовать.

В углу и впрямь нашелся глубокий плетеный короб. Василиса наугад выхватывала из него скомканые тряпки и одновременно с этим сдергивала с себя мокрую одежду. Если бы не царивший в избенке холод, счастье было бы беспредельным. Вновь обретенные предметы гардероба оказались на диво архаичными – платье с юбкой до пола, короткий полушубок, пахнущий пылью и прелью, шерстяной платок. Пока гостья торопливо облачалась в этот архаический, но сухой и подходящий сезону наряд, хозяйка лачуги о чем-то размышляла.

Однако стоило девушке закончить с переодеванием (а возилась она довольно долго, так как путала то подол с рукавами, то рукава с панталонами), и обитательница землянки приподнялась на топчане, простирая вперед руки. Глена поразило то, какими красивыми они оказались – белые, изящные, уж точно не такие должны быть у обитательницы убогого лесного домишки. Эти холеные ладони никогда не знали труда и забот, и только отсутствие обоих мизинцев выдавало принадлежность женщины к магам. Не колдунья. Магесса...

Сглотнув, мужчина пожалел, что поддался любопытству.

– Забери!

Казалось, этим приказом невозможно пренебречь, но та, к кому он обращался, спрятала руки за спину, не желая поддаваться. Она сжала зубы, хотя вся тряслась, словно от озноба, и отрицательно замотала головой, не желая подчиниться.

Глубоко вздохнув, обитательница избушки забормотала заклинание. От услышанного на коже Глена дыбом поднялись все волоски. Старинное заклятие перехода магической силы, на которое не нужно согласие! Запретное. Жестокое. Оно полностью уничтожит девчонку. Не думая, не рассуждая, Глен кинулся вперед, отталкивая дуреху от магессы.

– Забери-и-и! – завизжала в этот миг разъяренная волшебница.

Батюшки-светы! Васька, не ожидавшая таких воплей, пригнулась и одновременно шарахнулась в сторону. В этот миг молодая белая рука сумасшедшей жительницы землянки сделалась костлявой и старой. Морщины смяли нежную кожу, и под ней – дряблой и землисто-серой – резко обозначились кривые прожилки набухших вен.

В общем, не каждый день доводилось Ваське узреть подобную гадость. Ужас, отвращение и паника подстегнули лучше кнута, и, резко развернувшись, девушка вылетела из хижины прочь, подгоняемая беспросветным ужасом и одним, но очень острым желанием – исчезнуть.

Не переставая визжать, Василиса мчалась по сугробам, задрав проклятые юбки до самого подбородка. Она бежала и орала, орала и бежала.

– Тпру-у-у!

– А-а-а!

Эти два возгласа слились в один, породив некий гибрид между «ура!» и воплем слона в джунглях.

В этот самый миг Лиска поняла, что стоит посреди наезженной лесной дороги, прижимает скомканный подол своего одеяния к груди и продолжает визжать. Но уже без души. По инерции. Поэтому она захлопнула рот, резко оборвав свою «песнь». И так наголосилась, чуть желудок не застудила.

Поэтому девушка чинно разгладила мятую юбку, принимая благолепный вид. И хотя одно веко у нее все еще слегка подергивалось, Васька даже улыбнулась.

Дело в том, что на нее смотрели самые умные и недоумевающие глаза на свете. И глаза эти принадлежали серой лошади. Они были такие кроткие и печальные, что Васька почувствовала себя дура душой, да еще и виноватой. Вылетела из чащи прямо под ноги смиренному животному, напугала...

– Тю... – протянули откуда-то сверху.

Девушка вскинула глаза и лишь теперь поняла, что у лошади есть продолжение – оглобли, повозка, а на облучке – седой худенький дед. Он был тщедушен и крайне мил. Обычно в мультиках такими изображают добрых лесовичков: тулупчик с запахом, стоптанные сапоги, кроличья шапка набекрень, торчащая клочьями борода, лучики добрых морщинок в уголках ярких глаз.

Василиса никак не могла сообразить, что делать.

– Ты зачем орешь? – Тихий мужской голос, исполненный скрытой силы, вернул растерявшуюся бегунью в реальность.

Она перевела взгляд вправо и замерла. Только сейчас она заметила спутника забавного старичка. Он сидел верхом на таком коне, подобного которому Василиса не видывала даже в кино – огромный, широкогрудый, с длинной волнистой гривой и лохматыми щетками на могучих ногах. Даже легендарный Буцефал рядом с ним выглядел бы жалким пони, перенесшим рахит, дистрофию и непосильный тягловый труд на рудниках.

Жеребец был страшен. И Лиска немедленно им восхитилась в доступных ей выражениях. Точнее, как восхитилась... Зашлась словами восторга. Потому что конь внезапно захрапел. А девушка, которая сегодня уже пережила несколько потрясений, – шарахнулась и едва не упала.

Мужчина, восседавший на огромном скакуне, удивленно вскинул брови, разглядывая диковинную незнакомку. Противоречивое создание. Кудрявые растрепанные волосы, непривычно короткие затейливые узоры на запястьях, да и речь... необычная.

Чью именно мать нужно через плечо и в ухо какого лешего, мужчина не понял, но страсть в голосе его позабавила, он даже улыбнулся. Едва заметно, уголками губ. Возмущенная отповедь резко оборвалась, и девушка воззрилась на хозяина чудовищного коня с любопытством. Мужчину это удивило – обычно мало кто выдерживал его тяжелый взгляд. А эта смотрит, как ребенок, – слегка приоткрыв рот и забыв о том, как только что испугалась.

– Я это... волка встретила, – пояснила наконец Василиса.

Ну, что-то надо было сказать, так ведь? И объяснить свои вопли.

– Девка, – назидательно заметил старичок со своего облучка, – оглох тот волк. И не только он. У меня вон до сих пор в ухе звенит. А оно, почитай, уж годков семь плохо слышит.

Васька хихикнула. Люди! Нормальные! И пусть не машины, а лошади – все равно! И красивый темноволосый хозяин коня-людоеда ей понравился. Не любила Лиса «няшных» мужчин, на которых можно полдня смотреть, определяя пол, да так и не догадаться. А тут: высокий, широкоплечий, черты лица жесткие, а взгляд пронзительный и колючий. Нос с горбинкой и коротко стриженная черная борода добавляли внешности незнакомца суровой жути. Даже конь был под стать хозяину – породистый и свирепый в своем величии. Вон как гордо переступает с ноги на ногу.

– Ты откель тут взялась, блаженная? – спрыгивая с козелков, ворчливо поинтересовался старичок.

– Из... – а что сказать? Из торгового центра? Из другого мира? Из туалета? – ...леса. Заблудилась. Я в город шла.

– Покажи руки, – подал голос хозяин огромного жеребца.

Василиса послушно выставила перед собой дрожащие ладони, недоумевая, зачем это нужно.

– Да все в порядке, дэйн, – отмахнулся старичок. – Я этих нелюдей нутром чую! И рожденных, и всяких непонятных. Садись, дурында, довезем до ворот.

Тот, кого дед назвал дэйном, помолчал, но еще некоторое время сверлил девушку пристальным застывшим взглядом. Глен, наблюдавший за происходящим из своего укрытия, напрягся: казалось, еще немного, и либо дэйн, либо старик почуют его присутствие. Слишком слаб сейчас колдун, чтобы бороться. Да и не победить дэйна в одиночку. Никому.

Но через несколько секунд пристальный взгляд сидящего на вороном жеребце мужчины потеплел, в нем мелькнул невольный интерес. Однако дэйн отвернулся, стоило несуровой путешественнице залезть в телегу, и направил коня вперед. Глен прикрыл глаза от внезапно нахлынувшего облегчения, губы тронула осторожная улыбка – похоже, его удача снова при нем.

Перепутье. Маркус

Маркус почти забыл про старую Шильду, магессу, давно живущую отшельницей в глухой чащобе. А бабка учуяла девушку, которую бог с таким трудом вытащил из другого мира. Учужала, позвала и чуть было не сделала колдуньей. К счастью, не получилось.

Маги. Бог до сих пор сомневался в правильности своего решения, но менять что-либо не собирался. Колдуны – дети Мораки – слишком распоясались. Давно пора уничтожить их всех, потому что, если зло не остановить...

Хотя... Маркус перевел взгляд на свиток, лежащий перед ним. На желтой бумаге мерцали и переливались письмена. Они то вспыхивали, то почти гасли. Два имени. Таких похожих. Две судьбы. Таких разных.

Кого же выбрать?

Грехобор. Спустия время

Небо было пронзительным и ярким. Синим-синим. Столь глубоким оно бывает только осенью. Может, потому, что именно осенью на земле так много золота, которое оттеняет цвет бездонной выси? Солнце грело еще совсем по-летнему, но деревья уже сверкали где медью, где багрянцем. И трава поникла. Стала жестче. А земля была холодна.

И тихо. Так тихо тоже бывает только осенью. Ни щебетанья птиц, ни сонного гудения пчел, ни жужжания оводов. Ти-хо.

– Ты бы хотел стать просто человеком? Свободным?

Этот вопрос застал его врасплох.

Запрокинув голову, паренек лет семнадцати глядел в небо, прислонившись спиной к прохладному стволу молодой березы. Он молчал и ни о чем не думал. Просто смотрел в густую синеву. Потому что думать... было страшно.

Но та, которая задала неожиданный вопрос и нарушила тишину, хотела услышать ответ. Юноша моргнул, выплывая из отрешенной рассеянности, и перевел глаза на собеседницу.

Высокая, тоненькая, словно колосок, она была лишь на два года моложе своего друга, но ее уже лишили мизинцев и дали назвище.

Назвище даже хуже клички. Потому что кличка хотя бы отражает твою внешность или особенность нрава. А назвище отражает твою жизнь. И не ту, которую хочешь прожить. А ту, которую прожить будешь вынужден. Обязан. Оно говорит о том, чем его обладателю придется заниматься до конца своих дней. *Кем он станет.*

И вот она – златовласая, изящная, происходившая из великого рода, но отныне под страхом смерти лишенная всего – семьи, близких, даже имени! Как и всем рожденным магам, ей отсекали мизинцы, дабы *проклятая сила* не перетекла после смерти своей обладательницы в мир.

– Хотел бы? – настойчиво повторила девушка.

– Не знаю, Мили... – Он осекся, когда собеседница нахмурилась и посмотрела с укором. – Не знаю, Повитуха. Разве люди свободны?

– За ними не охотятся. Не следят. Они женятся, выходят замуж...

Повитуха прикрыла глаза, отворачиваясь:

– А я буду всю жизнь принимать тяжелые роды. Всю жизнь буду спасать чужих детей, но никогда не возьму на руки своего.

– Зато в твою дверь никогда не постучится дэйн, – напомнил юноша.

– Потому что у меня не будет «своей» двери, – ответила она с горечью. – У меня не будет дома. Мужа. Даже спутника! И за всю свою жизнь я ни разу не услышу слов благодарности. Никто не посчитает, что я заслуживаю чего-то большего, чем просто плевок под ноги. Меня никогда не поцелует мужчина...

– Я могу тебя поцеловать, – тихо сказал стоявший рядом и с мимолетной лаской провел ладонью над макушкой собеседницы, не касаясь, впрочем, волос. – Сколько раз я уже делал это, забыла?

– Но я теперь – Повитуха! – По щеке несчастной скатилась тяжелая слеза. – Маг без имени. Рискнешь ты своей душой ради этого поцелуя?

Поколебавшись, парень отвел руку. И тотчас ощутил себя мерзейшим из предателей. Сердце сжалось от горечи улыбки той, которую когда-то звали таким красивым именем – Милиана...

– Это несправедливо! – вдруг вспыхнул юноша. – Чем мы это заслужили?! Чем *ты* заслужила? Ты же... – Он осекся, когда Повитуха порывисто отвернулась и закрыла лицо руками.

Забыв про все свои опасения, про душу, про запреты, какие только есть и еще наверняка появятся в этом мире, парень обнял девушку, покрывая утешающими поцелуями мокрое от слез лицо. Несчастная пыталась освободиться, понимая, чем грозит эта ласка ее другу, но он упрямо не замечал слабых попыток оттолкнуть его и повторял:

– Не плачь. Я все возьму на себя. Ты ни в чем не виновата. Не плачь...

А небо над ними было синее-синее.

...Сон прервался. Грехобор открыл глаза.

Мириана.

Он уже не помнил ее лица, но имя не забыл. Поклялся, что никогда не вычеркнет его из памяти, сколько бы лет ни прошло. Мириана.

Именно она, ее боль, ее слезы сделали его тем, кем он стал. Он рискнул самым ценным – душой. Но никогда об этом не жалел. Повернись время вспять – точно так же без раздумий утешал бы тонкую, словно камышинка, девушку, которая всего-то и хотела, что быть обыкновенным человеком.

Маг тяжело поднялся на ноги, устало потер лицо. Он спал, скорчившись на ворохе лапника у подножия старой ели. Не разбивал лагерь, не обустроивал ночлег. Так он жил все последние месяцы. То небольшое людское, что первые годы странствий еще оставалось в скитальце – привязанность к удобствам, желание хоть чем-то себя баловать и утешать, давно покинуло его. Он уже не был человеком в привычном понимании.

У него не было надежд, привязанностей, желаний. Человек живет от цели до цели. А у вечного путника цели не было. Он просто... шел. И приходил. И снова шел. Когда уставал – спал, где придется. Когда испытывал голод – ел, не чувствуя вкуса еды. Просто насыщался. Сон и еда были его единственными потребностями.

Он возвращался. Как странно. Девять лет назад он начал свой путь, уже *неся в себе* первый грех. Все эти годы дорога вилась, приводя его из одной деревеньки в другую, из города в город, через реки, леса и поля. Он не выбирал путь, не загадывал, но вот они, знакомые места. Скоро, если идти на восток, он окажется на том же перекрестке, откуда начал свой путь. И ведь не стремился. Напротив, пожелал бы тут никогда не очутиться. Лучше сгинуть.

Его дорога была дорогой уставшего загоняемого зверя, который понимает, что не спасется, но даже издыхающий продолжает ползти, ползти, ползти... И умрет, положив измученную, мокрую от пены морду на все еще скребущие землю лапы. Он даже отдыхал, как животное, – только тогда, когда чувствовал усталость. Настоящую, невыносимую усталость, которая не требует мягкого ложа или горящего костра под боком. Такая усталость, которая валит с ног и дарует спасительное мертвое забытие, едва опускаешься на землю. И давно уже ему не снились сны. А сегодня – надо же...

Может быть, это означает, что скоро его скитания завершатся? Говорят, будто перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь. Да вот только он-то не вспоминает. Нечего. На месте прежней жизни – пустота и темнота. Как черная завеса. Отголоски бывшего возвращаются только в коротких сновидениях. Редких, сумбурных и смутных. Но все же... он, как и всякий зверь, вернулся в родные места, чтобы издохнуть.

Мужчина медленно шел по дороге.

Солнце светило ласково. Снег таял, и в воздухе пахло весной. Весна будоражит. Тревожит. Вселяет ложные надежды, будит застарелые воспоминания. На миг Грехобор прикрыл веки, вспоминая привидевшееся, надеясь, что вот-вот перед мысленным взором возникнет лицо той, чье имя он лелеял в душе до сих пор... Какая она была? Почему не получается

вспомнить ее глаза и волосы? Напрасные попытки! Отбросив бессмысленные потуги, странник определил направление по высоко стоявшему солнцу и двинулся в путь.

За его спиной остались две деревни, в которых он облегчал мучения умирающих людей. Так распорядились боги, что человек с тяжким ярмом на душе не может легко покинуть этот мир. Совершенные злодеяния держат крепче привязи, надежнее цепи. Мучения будут длиться и длиться и оборвутся лишь тогда, когда истончатся последние силы души. К таким-то и приходил Грехобор. Он забирал груз терзающего зла, взваливал его на себя, освобождая владельца.

Не все заслуживали столь легкой участи, хотя умолял каждый. Вечный скиталец облегчал страдания только тех, кто был способен искренне раскаяться, и забирал лишь те грехи, о которых человек сожалел. За это странствующего мага ненавидели и боялись гораздо больше, нежели прочих. Его появление дарило надежду, но его отказ в помощи поднимал волну неудержимой злобы.

– Забери! Забери! Тяжко мне – старой! Да неужто жалости в тебе нет, мучитель?! – кричала, выгибаясь дугой, старуха, в далекой молодости сжившая со света соперницу.

Боялась душегубка смерти и суда богов. Сильно боялась...

Да вот только в содеянном не раскаивалась. Нажила она с любимым мужем двенадцать детей. Сам старик за годы жизни и думать забыл, что была когда-то в незапамятной юности у него любимая, рано умершая от тяжелой хвори. Все поросло быльем. Он и лица-то ее не помнил. А тут – жена кричит да мается. И со свирепой затаенной злобой смотрели на Грехобора дети и внуки тяжело помирающей старухи! Как ненавидели его за то, что не хочет облегчить страдающей уход. Да, было зло, было! Но и сколько добра было. Неужто не искупила?

Но маг знал, что – нет. И не сживи лукавая со свету тихую любовь своего мужа, была бы у того другая семья – счастливее нынешней. Родились бы другие дети. Которые теперь никогда не придут в этот мир. Не дали им такого шанса. Злоба и зависть не дали. А украденное счастье на то и украденное, что цену за него приходится платить не сразу, а чуть погодя.

– Зверь лютый! Забери! – орала старая и тянула трясущиеся руки к безучастному магу. – Забери! Проклянута, тварь бездушная!

Она закричала истошно, и столько ненависти было в голосе, что, казалось, воздух запахнет гнилью.

Грехобор ни слова не сказал в ответ, лишь равнодушно шагнул в сторону бабки, и та осеклась, будто подавилась собственным языком. И больше не кричала. А он развернулся и ушел, спиной чувствуя полные злобы взгляды. Пусть смотрят. Он привык.

Случалось же и такое, что грехи еще не тянули в могилу, просто висели гроздьями на душе человека, отравляли существование, приносили беду и несчастья близким. И помирать не настал час, и жизни нет. С такими приходилось и сложнее, и проще. Сложнее потому, что забрать терзающее их зло Грехобор мог лишь прилюдно (и не каждый осмеливался показаться при сельчанах в совершенной когда-то низости), а проще потому, что грехи эти не были столь тяжки – нести их было легче.

– Я собаку соседа отравил, – как-то признался молодой парень, поднимая на мага полные страха глаза.

Дурень злобный. Но то собака. Иные и людей травят. Без сожаления.

Этот грех был почти невесомым. Он осел магу в душу, сочный от давней обиды, страха и глубокого раскаянья. А потом в глазах, устремленных на мужчину, появились стыд вперемишку с досадой...

Плечи Грехобора ссутулились. В этом мире все, от мала до велика, боялись его и таких, как он. Иные с удовольствием причинили бы ему боль, а то и прибили где-нибудь на ночной дороге. Нет, не потому, что он собирал или не собирал грехи. А потому, что каждый знал,

как становятся Грехобором... Для этого надо было совершить Зло. Настоящее, выжигающее, уничтожающее, иссушающее. Зло, коему не чета сжитые со свету соперницы или соседские псы. Зло, которое настолько велико, что позволяет подняться над обычной жестокостью. И которое может оказаться заразным, как черная хворь.

Он замер, безразлично раздумывая, в какую сторону пойти на этот раз. Мысли ворочались в голове с трудом. Сонное безразличие сковало рассудок. Ничего не хотелось – ни пить, ни есть. Маг словно бы видел себя со стороны: одинокий путник в старой запыленной одежде, в стоптанных сапогах, без какой-никакой подорожной сумы, без оружия, с длинными неубранными волосами, окаменевшим лицом и застывшим взглядом невыразимо древних глаз.

Какое-то опустошение завладело его душой. Впервые за многие годы. Настоящее гулкое опустошение. Мужчина понял, что потихоньку перегорает... «Пора», – вдруг сама собой возникла в голове мысль.

Он достаточно сделал. И если равнодушным богам покажется, будто его вина далека от искупления, то... Ему все равно нечего им предложить, кроме своей давно потерянной, не стоящей и ломаного медяка души.

Хватит.

Осознание исчерпанности своих сил пришло к Грехобору давным-давно, но он гнал прочь эту постыдную мысль. А сейчас вдруг понял, что уже не может от нее избавиться.

Вот только... каким образом завершить земной путь? Боги не отпускают просто так. Разрешенный маг имел только один шанс умереть – открыто выступить против дэйна. Иной возможности прекратить свое жалкое существование у проклятых не было. Умереть... Пускай от руки палача, но тогда, когда хочешь сам. Просто перестать быть. Навсегда.

Покой. Тишина. Темнота.

Но выступить против дэйна – это значит обречь на верную смерть несколько десятков людей. Потому что, пока не начнешь творить зло, нет до тебя дэйну никакого дела. Станет он просто так охотиться за разрешенным магом! Пусть даже и таким сильным, как Грехобор.

А значит, придется найти деревню и полностью опустошить ее. Не оставив в живых никого: ни человека, ни последнего пса. Мужчина задумался, пытаясь понять, какие мысли в нем пробудит эта святотатственная мысль. Никаких. Он действительно перегорел.

Поэтому сейчас, стоя на перепутье, странник равнодушно прикидывал, в какую сторону пойти. За годы скитаний он видел столько боли и горя, что предстоящее злодеяние не казалось ни ужасающим, ни вопиющим. Поэтому он выбирал. Хладнокровно и осознанно. До ближайшего селения, где он не был уже очень давно, около трех недель пути. Он не может идти быстрее. Уже не может.

Хлопанье крыльев вывело мужчину из задумчивости. Недавний знакомый – сокол внимательно смотрел на странника с ветки раскидистой ели. Птица словно изучала человека.

– Опять ты, – с глухим раздражением сказал маг.

Сокол не шевелился, продолжая смотреть все так же пристально. В крючковатом клюве что-то поблескивало, но мужчина не мог разглядеть, что именно.

Птица взирала на путника антрацитовыми глазами, настолько умными и пронзительными, что казалось, будто они принадлежат разумному существу. На миг Грехобор прищурился, пытаясь разглядеть внутреннюю сущность пернатого хищника, но тут же расслабился – обычная птица. Никакого волшебства.

Но почему тогда в клюве «обычной птицы» тускло сверкает... мужчина подошел поближе, так как решил – померещилось.

Кольцо.

Обручальное кольцо.

Дар богов. Тонкий ободок из темно-синего металла. Диковинное украшение, которое можно получить только в храме, опустив руку в Чашу Откровений.

Юноши и мужчины, все, кто хотел испытать судьбу, приходили в храм и тянули жребий. Чаша Откровений всегда была пуста. Но каждый, кому было суждено отправиться на поиски, доставал из нее вот такое кольцо. Откуда оно там бралось, ведали, наверное, только жрецы. А может, и этим было невдомек. Но этот металл... Никто не знал, где его добывают и как он называется. Да и не представлял он ценности. Такое кольцо не передавалось по наследству и не снималось с руки. Однажды надетое, оно становилось частью своего владельца и бесследно разрушалось только с его смертью. Кольцо, дарованное богами.

И странная птица бросает его на землю перед Грехобором. Мрачная шутка.

Не веря происшедшему, маг посмотрел на свои изуродованные ладони. Кольцо носили на мизинце – правом, если супруг был жив, и левом, если умирал. И только у магов не было мизинцев. Ведь магам никто не наречен. И они не могут стать сужеными. Кольца из Чаши Откровений давались в руки только тем, у кого появился шанс стать счастливым. Чья избранница или избранник уже где-то рядом, на пути к своей второй половине. И всякий знал: раз взял венчальное украшение и принял вызов богов – значит, должен в течение месяца найти того или ту, кто предназначен судьбой. Ведь если не найдешь...

И вот тут Грехобор засмеялся.

Он думал, что давно разучился это делать. Но смех рвался из груди – непривычный, залихватский, какой-то чужой. Он смеялся, смеялся и не мог остановиться. Ну да, только такую шутку и могли сыграть с ним небожители. Почему нет? Они – всевидящие всезнающие жестокие – прекрасно понимали, *что* у него на уме. Если через месяц он не найдет ту, которая согласится принять его кольцо, то умрет.

Месяц.

Всего лишь месяц.

И что? Вот такая смерть? Он просто упадет замертво? Без мучений?

Словно в подтверждение его словам сокол яростно захлопал крыльями, будто боялся, что человек пройдет стороной. В круглых глазах – ожидание, мол, ну давай уже, бери и хватит метаться. Надоел ты мне – то хочу умереть, то не хочу. Определяйся. И снова смотрит. Пристально. Как будто точно знает, куда нужно идти усталому путнику.

В город.

В большой город? В тот самый, откуда все началось? Там, где сейчас живет... *он*? Там, где...

– Ты с ума сошел? – не замечая, что говорит с *птицей*, как с разумным существом, возмутился Грехобор. – Что я там делать стану?

Сокол склонил голову набок и продолжил сверлить скитальца взглядом. Снова подвинул кольцо. Посмотрел. Похоже, настроен серьезно. Не возьмешь, как бы не заклевал. И в груди опять защекотало от подступающего к горлу хохота.

Мужчина помотал головой:

– Да нет. Мне все это кажется.

Смеяться уже не хотелось. Он впервые растерялся и впервые вел себя не как старый душой маг, а как... как обычный человек. Он сомневался. И в душе несмело шевельнулась робость.

Но... если попробовать? Если рискнуть? Может... После этого «может» все мысли замерли. Женщина, которая примет такого, как он? Женщина, которой будет все равно, что он – маг? Таких женщин нет в этом мире.

«А что ты теряешь? – возникла в голове мысль. – *Что именно* ты теряешь? Время? Жизнь? Ты придешь в город...»

Грехобор усмехнулся. «Придешь в город...» Он не был в Аринтме так давно, что уже и забыл, как она выглядит. Наверное, теперь он бы даже испугался того количества людей, какое там обитает. Он привык к одиночеству. Хотя... почему бы и не пойти? Даже в том случае, если это жестокая шутка, в городе есть дэйн, которому совершенно не важно, что на уме у странника. Одно нарушение и... все закончится. Совсем все. Разве не к этому рано или поздно начинает стремиться каждый маг?

Еще раз криво усмехнувшись, мужчина поднял кольцо. В этом мире нет женщины, которая согласится назваться его. Ни один человек не дотронется до него – не сможет. Никому из ныне живущих не захочется испытать на себе силу проклятия магов. А значит, он умрет. Тихо и спокойно. Не пытаясь при этом захватить с собой невинных. Чем не смерть? Странно, что раньше не додумался.

Он рассматривал венчальное украшение, но вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он не слышал, чтобы к нему подходили, но, когда обернулся, напротив стоял маг. Два странника застыли, глядя друг на друга. Грехобор с все еще раскрытой ладонью, на которой поблескивало кольцо, и незнакомец, взвешивающий на это кольцо с задумчивой улыбкой. В этой улыбке не было ни издевки, ни печали, однако в груди у Грехобора екнуло.

Жнец.

Такой встречи и врагу не пожелаешь. Жнецы без причины не переходили дорогу ни людям, ни магам. Они стояли на неусыпной страже покоя богов и жили на Перехлестье. Если Жнец пришел в мир людей – добра не жди. Этот маг мог легко убить даже дэйна. Он был той силой, которой опасались все. Десницей богов – карателем и вершителем справедливости, палачом и судьей тем, кто не считал нужным подчиняться законам.

Неужто он пришел за Грехобором?

– Легкой дороги, – тем временем сказал Жнец, оторвав пристальный взгляд от венчального украшения.

– Легкой дороги, – отозвался Грехобор, провожая уходящего взглядом полным растерянности и смятения.

Жнец покинул Перехлестье? Зачем? Ведь если он отвернулся, значит, его цель не Грехобор. Тогда кто?

Но вместо ответов на эти вопросы в голове отозвалось эхом лишь одно слово – особое для каждого мага.

Перехлестье.

В душе мага расплзалась тоска.

Перехлестье.

Место, где можно стать человеком и жить в одном из многочисленных храмов небожителей, служа им. Там мечтал оказаться каждый, но не каждого Жнец пропускал через заветную черту, разделяющую мир людей и богов. Пересечь ее было дано лишь тому, чьи отчаяние и боль пересиливали желание жить. Но что делал Жнец здесь? Какой жатвы искал? Грехобор не знал ответа на этот вопрос, да и не хотел знать.

Ему было ясно только одно. Такого, как он сам, Перехлестье отторгнет. Потому что в душе у него не было ни отчаяния, ни боли. Только глухое беспросветное смирение. И желание, чтобы все наконец закончилось.

И, зажав в руке венчальное украшение, скиталец двинулся в сторону города, сам не понимая еще, что впервые за последние годы в его сердце шевельнулось что-то отличное от равнодушия. Интерес.

Василиса и средневековая реальность

Телега катилась, поскрипывая и подпрыгивая на кочках. Васька устроилась поудобнее и втайне радовалась, что сидит на складках толстой юбки. Прежде девушке никогда не приходилось колесить на повозках. Как выяснилось – к счастью. Она ехала и мрачно размышляла: чего только современные любители Средневековья находят в этой темной эпохе? Ну по всему же ясно, что в двадцать первом веке безопасней и комфортнее – в машинах мягкие сиденья, на ухабах так не трясет, тепло, светло, да еще и быстро. Здесь же еле тащились.

Пока она рассуждала о преимуществах и несомненных достоинствах цивилизации, всадник на вороном коне неспешно ехал следом. Несколько раз Лиска бросала в его сторону любопытные взгляды – уж очень колоритно выглядели статная фигура, укутанная плащом, и страшный лохматый жеребец. Незнакомец больше не проронил ни звука, ехал, опустив голову, то ли погрузился в мысли, то ли просто был не из болтливых. Вот и славно. Чем меньше вопросов – тем лучше. Больше всего на свете Васька боялась погореть на блестящем незнании здешних реалий.

Сквозь голые кроны деревьев припекало ласковое солнышко.

А все-таки здорово, что довелось попасть в весну! Теперь впереди новое лето, а вот у Юрки оно уже через два месяца закончится. Воспоминания о друге ранней юности повернули мысли девушки в неожиданную сторону – она погрузилась в мрачные раздумья по поводу произошедшего в землянке. Что же пыталась отдать незадачливой гостье страшная хозяйка избушки? Понятное дело – ничего. Да вот только... обидно как-то!

Это что ж получается – страху Василиса натерпелась нечеловеческого, а на деле, как оказалось, только попусту геройствовала. Зато наоралась на год вперед. И набегалась тоже.

...Телега выехала из леса, когда солнце уже касалось горизонта. Девушка сидела в повозке, жестоко страдая от физического и информационного голода. Причем муки второго были просто нестерпимы. Томительные часы езды стали временем непрерывных размышлений о неведомом мире, в который угораздило попасть, о своем туманном будущем и полном отсутствии перспектив на возвращение. Наконец, оставалось совершенно неясным, как выжить в столь причудливых обстоятельствах. Полное незнание местных традиций чревато новыми печальными приключениями. Впрочем, и это ерунда, главное другое – скоро ночь, а Василисе негде не то что преклонить голову, но и просто перекусить. Негде и не на что.

– Ты, девка, чья будешь-то? Куда тебя везти? – прервал размышления своей спутницы старичок.

Такого поворота событий девушка, прямо скажем, не ожидала. Расспросы – дело гиблое, поди сообрази, что и как врать. Да и стоит ли?

Однако пока тугодумка размышляла, что бы ответить, язык сам собою брякнул:

– Я работу ишу. Не знаете, куда податься?

Дед сдвинул шапку на лоб и поскреб в затылке.

– А умеешь-то чего?

Василиса пожала плечами:

– Готовить. Может, есть у вас тут харчевни, куда стряпухи требуются?

Старичок хмыкнул:

– Харчевни-то есть, но чтобы баба стряпала... Это где ж такое видано?

– А что, разве женщины, ну... в смысле, бабы – не готовят? – удивилась Вася.

О, чудесный новый мир! Может, здесь не надо и убираться? Может, и стирать не придется?

На нее посмотрели с хитрым прищуром.

– Где ж это видано, чтобы баба в харчевне стряпала? Ну, там посудомойкой, чернушкой или на побегушках – это да, святое дело, даже богоугодное. Но чтобы иначе как...

И сидящий на облучке снова хмыкнул.

Лиса удивилась:

– Как же так? Значит, дома у печи хлопотать можно, а в трактире у той же печи не доверяют?

Ее собеседник хлопнул себя по колену, досадуя, что спутница не понимает таких элементарных истин:

– Отчего ж не доверяют? Доверяют. Дай, подай, уйди, не мешай. Поскольку за бабой глаз да глаз нужен. И строгость. Ибо что баба без мужского догляда сделать может? Не-э-эт, девка, бабам никакое дело доверить нельзя. Ежели только от безысходности.

Васька помолчала, свыкаясь с мыслью, что она теперь не выпускница кулинарного техникума, получившая красный диплом и с блеском прошедшая практику в кафе «Сказка», а абстрактная «баба», коей страшно доверить даже просто помешивать кашу в горшке. М-да...

Тем временем старичок зыркнул на едущего рядом дэйна и нахмурился. Однако хозяин вороного жеребца словно не заметил этого. Только равнодушно изрек:

– В «Кабаний пятак» попробуй податься. От городских ворот первый проулок налево. Там уже два месяца на кухне никого, кроме тараканов, да и те, наверное, разбежались. У Багоя мало кто приживается. С его характером только жаркое мирится. Так что – баба или мужик – этот трактирщик привередничать не станет.

Василиса уныло кивнула. Перспектива устроиться на работу к человеку, который не отличается приятностью нрава, мало радовала. Дальше ехали в молчании. А когда повозка выкатилась на большак, всадник на вороном коне что-то негромко сказал старику и, прищпорив жеребца, был таков. Лиса некоторое время любовалась, глядя в спину удаляющемуся мужчине, – так уверенно он держался в седле бешеного скакуна.

– Эк погнал-та... – неодобрительно покачал головой дед. – Лют. Эх, и лют!

Девушка с уважением кивнула. И впрямь лют. Далекое не каждый осмелится даже подойти к такому коню, не то что верхом сесть, да еще погонять. А наездник свирепого жеребца так прищпоривает, что сердце заходится.

– А кто он, дед? – спросила Вася, по-прежнему всматриваясь в даль.

На горизонте чернел город. Еще немного и на месте.

– Кто-кто, – ответил старик, – известно кто – фадир. У него, девка, родословная длиннее турьего... э-э-э... рога.

Собеседница приснула.

– Чего скалишься? – заулыбался дед. – Правду говорю.

Дорога до городских стен заняла еще приблизительно четверть часа, и Василиса вздохнула с облегчением, когда впереди на высоком холме наконец выросла крепостная стена. Путешественница даже замерла от восторга – аккуратная кладка, выполненная из природных камней, поднималась метров на пять вверх, конструкцию поддерживали пологие контрфорсы. Через равные расстояния стена округлялась пузатыми башенками. Скромненько, но впечатляет. Кстати, ни рва с водой, ни подъемного моста тут не оказалось. Дорога упиралась в надежные ворота, могучие створки которых сейчас были распахнуты.

На въезде в город царило оживление. В воротах ругалась с караульными толпа крикливых пестро одетых людей. Все они махали руками, галдели, сверкали разноцветным тряпьем. Одним словом, пробка. Скрипучие кибитки, лай собак, детский гомон, крики женщин, храп лошадей.

Дед обреченно вздохнул:

– Скоморохи пожаловали. Теперь дотемна простоим, пока их досмотрят и пропустят, – и он со скучным видом подпер подбородок кулаком.

Между тем рядом с повозкой, на которой ехала Василиса, остановились еще несколько бричек, телега с сеном и двое конных всадников. Девушка с интересом глазела по сторонам. Народ был одет просто, без изыска. Преобладали ткани черного, коричневого и серого цветов. Реже попадались одеяния белые и буро-красные. Сапоги и ботинки здешних жителей, сделанные грубо, но надежно, и вовсе имели самый затрапезный вид. Осознав это, злощастная попаданка предусмотрительно прикрыла свои кроссовки подолом платья.

Попавших в затор постепенно прибавлялось, однако все терпеливо ждали, не выказывая раздражения. Хм, пожалуй, кое в чем этот мир выгодно отличается от привычного двадцать первого века. В данной ситуации, например, вспоминались автомобильные пробки и нервные таксисты, без умолку сигналившие и подрезающие все, что движется. В отличие от них, здешние жители предпочитали не суетиться попусту.

Люди спокойно переговаривались, гадая, что такое могло приключиться в воротах. Конники, которым с высоты лошадиных спин было лучше видно происходящее, щедро делились с собравшимися информацией. Так, один из верховых, привстав в стременах, сообщил:

– Там три ливетинки брюхатые, дак стражники требуют, чтобы они пуза оголили. Те ни в какую, вопят по-своему, пальцами тычут, а мужики ихнии злятся и орут громче баб. Говорят – пуза настоящие. Но эти не верят им, думают, бабы что запретное пронести хотят.

Лиса поразилась беспардонности стражников. Ничего себе! Может, кроме живота, им еще и грудь предъявить? Ну, вдруг она тоже поддельная?! Кстати, особам с пышным бюстом есть чего бояться... Девушка плотнее запахнула свой полушубок и даже на всякий случай ссутулилась. Между тем остальные участники средневековой пробки ничего запретного в действиях стражей явно не видели. Напротив! Дюжий парень, везший в город телегу сена, заломил на затылок шапку и заржал:

– Посмотреть бы, как ливетины выкрутятся. Поди уже суют звонаря.

Васька жадно прислушивалась. Интересно, какого такого звонаря и куда именно надо совать в воротах? А вдруг у нее тоже спросят? А ей и сунуть нечего! Паника подкатила к горлу, живот свело от ужаса. Вот попала!

– Не возьмут они с них денег, – отозвалась румяная сочная девка из соседней брички.

Длинная коса толщиной с батон колбасы лежала у нее на груди, белое, без единой оспинки лицо оказалось до того хорошо, что даже везший Лиску дед загляделся. Одетая красавица была, как все здешние женщины, – в полушубок с суконным верхом, платье и платок. Но что это был за полушубок! Такой красоты еще поискать! А Васькин-то простенький, заношенный...

Парень из телеги с сеном тоже залюбовался говорившей, однако нить беседы не потерял.

– Отчего ж не возьмут? Смотря сколько давать будут.

– А сколько б ни дали, – тряхнула головой красавица, – не возьмут. Отцов приказ – без досмотра ливетинов за стены не пускать, не то места лишишься. Это после того, как кто из ихних на ярмарке у видии кусок шелка с юбки отмахнул.

Пока собравшиеся дружно хохотали над услышанной сплетней, Василиса чувствовала себя чужой и несчастной. Ничего-то она не понимала в здешних реалиях. Ничегошеньки. Видия! Что это такое? Точнее, кто? Вопросы так распирали мозг, что девушка, побоявшись взрыва, предпочла вновь сосредоточиться на разговоре.

Тем временем парень в заломленной шапке развалился на облучке и подмигнул красавице из брички:

– Не, девка, за иное их досматривают. Недели три назад здесь такие же проходили, с собой привезли пряностей. За день расторговались, и к вечеру уже след простыл. А на сле-

дующий день оказалось – стряпня с теми пряностями не на пользу, кто в горячке слег, кто животом маялся, а у иных и глаза слепли.

На этот раз никто смеяться не стал. Васькин дед сердито шлепнул себя по колену, а один из верховых злобно сплюнул. Похоже, назревал межнациональный конфликт. Попутчики смолкли, а вот вопли и гомон возле ворот стали еще громче. Что-то это все напоминало... Ах, ну да! Цыганский табор.

Как разрешилось дело на въезде, никто не разобрал – очередь двинулась, но вместо того, чтобы свободно потечь через ворота, телеги утонули в ливетинском таборе. Вокруг забегала ребятня, затрясли пестрыми платками и подолами ливетинки. Василиса увидела конопатые лица с яркими голубыми глазами, рыжие косы и кудри. Словно в пожар окунулась!

Дети рассыпались горохом – одни колесом катились возле телеги, другие пытались влезть на впряженных в бричку сивок, третьи дергали за рукав деда... Час настал! Пока Лисин спутник отмахивался от ребятни, путешественница соскользнула с телеги и юркнула в пестрый водоворот.

Несколько ливетинок коршунами подлетели к ней, одна сразу предложила погадать, другая тут же известила, что «эта рябая гадать вовсе никогда не умела», и, конечно, предложила свои услуги. Пока оболганная ворожея размахивала руками да голосила, обличая товарку, чьи-то шаловливые лапки вскользь обшарили Васиной бока и складки юбки. Страница чуть не заплакала от ностальгии – ну просто ж/д вокзал в выходной день! Все топчутся, мнутя, орут, спешат, а кое-кто в процессе еще пытается и карманы зазевавшимся гражданам обчистить. Смешные. У нее и карманов-то нет.

Лиска мстительно позлорадствовала над вором, а ноги тем временем резво несли ее к городским воротам, локти же щедро раздавали тычки. Наконец девушке удалось вырваться из толпы.

Хм. Что там говорил дэйн? От ворот первый проулок налево. Васька сверилась с запястьями, определила «лево» и шагнула на тихую узкую улочку, извивающуюся между неказистых домов. Все здесь казалось мирным и уютным. Каким-то даже деревенским, а не городским.

Вот только под ногами грязь непролазная...

Выдергивая ноги из вязкой жижи, девушка шагала вперед, поглядывая на разномастные домики. Ну и где этот «Кабаний пятак»? Где сей оплот калорий и питательных обедов? Дорога петляла себе, убегая вперед, а на город, названия которого злосчастная попаданка так и не узнала, медленно опускались сумерки...

Васька уже почти отчаялась хоть куда-то дойти, когда тишину улицы нарушило монотонное заунывное поскрипывание. В сгущавшемся полумраке девушка увидела над входом в один из домов деревянную вывеску, опасно накренившуюся. Деревяшка покачивалась под ветром на двух ржавых цепях и противно скрипела. А изображена на вывеске была... розетка. То есть круг и в центре рядышком – две точки. А по бокам от круга – два банана. С одной стороны и с другой.

Путешественница долго и озадаченно смотрела на сие творение средневекового изобразительного искусства, пока не поняла, что, по всей видимости, ее взору предстал тот самый кабаный пятак с кабаньими же клыками. Шедевр!

Вывеска настолько улучшила девушке настроение, что тяжелую дверь скиталица толкнула безо всякой робости. Разве может быть что-то страшнее уже виденного кабаньего пятака? Но уже через секунду Васька поняла – может. Однако дверь за спиной уже закрылась. Путь к отступлению оказался отрезан.

А внутри харчевни было грязно, полутемно, вонюче и пусто.

Замереть в дверях было бы глупо, умнее отступить назад и захлопнуть створку. Но Лиса еще хорошо помнила темную холодную улицу, грязь под ногами и... решила идти в своей дурусти до победного конца, а потому сделала несколько осторожных шажков вперед.

Дыхание перехватило, но не от робости. А от невыносимой, прямо-таки убийственной вони кислой капусты. Васька ненавидела кислую капусту! В далеком детстве, когда у них с мамой не было денег, основной едой становился именно этот бюджетный продукт, тушеный с морковкой, томатной пастой, чесноком и (если очень повезет) крошечным кусочком вареной колбасы, порубленным на мелкие кубики...

– В ней много витамина С! Кушай, деточка, кушай!

Эти слова засели в памяти так крепко, что хотелось взвыть.

Помимо амбре кислой капусты по залу разносился еще и удушливый запах гари. Тут Лиска сразу вспомнила преподавателя кулинарного техникума, который говорил, что у хорошего повара работа горит в руках, а не на плите.

Как здесь люди вообще едят? В такой-то вони и темнотице.

На потолке в огромном тележном колесе едва тлели несколько чадящих сальных свечей, добавляя закопченным стенам еще большей мрачности. Как в склепе каком-то!

А еще ни единого чистого стола – везде какие-то тарелки с остатками чужих трапез, кружки, крошки, лужицы пролитого питья. И это еще в полумраке особо не присмотришься, а если свечей побольше зажечь, так, наверное, столы будут шевелиться от обилия бактерий.

Васька сделала осторожный шаг вперед. Под ногами влажно смялась прелая солома. Тут ни один Мистер Проппер не поможет. Живьем сожрут какие-нибудь палочки, вроде кишечной. Кстати, каждый представитель вышеозначенной палочки в этом заведении должен быть размером с кролика, не меньше. При эдакой-то антисанитарии. Впечатление такое, словно тут не харчевня, а в зоомагазин по продаже экзотических микробов. Брр.

И здесь работать?

Ну, выбирать-то не приходится, и, расправив плечи, Васька шагнула вперед – к неминуемой смерти от грязи.

Борясь с отвращением, девушка пробиравалась между хаотично расставленными столами к грязной стойке, за которой стоял то ли хозяин заведения, то ли его доверенное лицо. Приземистый и непропорционально широкоплечий мужик средних лет – лысый, со свисающими до подбородка усами и в рубаше с распахнутым воротом – протирает залапанную кружку засаленным полотенцем. Он был очень мощный, но ростом почти на полголовы ниже и без того невысокой Василисы.

– Чего тебе? – зло спросил халдей, словно незнакомка была не простой посетительницей, а всемирным сосредоточением зла, даже не просто зла, а зла inferнального, вроде санэпиднадзора.

Незадачливая странница осторожно поинтересовалась:

– Извините, вы – Багой?

Тот, к кому обращались эти слова, посмотрел с сомнением, пожевал губами, что-то прикидывая в уме, и лишь спустя несколько долгих мгновений глубокомысленного молчания изрек:

– Ну а если и так? Чего надо?

– Я работу ищу. Вам вроде кухарка требуется, – чуть тише и с меньшей уверенностью продолжила допытываться девушка.

– Это ты, что ли, кухарка? – усмехнулся трактирщик, оглядывая претендентку на столь ответственный пост. – У меня тут мужики не держатся, куда уж тебе-то?

И вот здесь Ваську словно замкнуло, она вспомнила, как когда-то давно проходила практику, работая помощником повара в детском оздоровительном лагере. Вспомнила свою

начальницу – Галину Петровну, дородную женщину, всю жизнь бившуюся на фронтах горячих обедов за наваристость и нажористость.

Так вот Галина Петровна говорила следующее: «Мужик-повар – это извращенец. Всякие там фрикасе, фондю и бланманже. А борщ лучше бабы никто никогда не сварит. Ну, раз ты съешь эту фондю, ну, два, а потом что? Все равно ведь шей захочется. Так что, девки, учитесь готовить простую еду. Бланманжой сыт не будешь, только у плиты упреешь, пока скостромишь. А мужик что? Мужик – скотина беззаботная. У него свободного времени навалом, вот пусть он со своими фондями и скачет».

И сейчас воспоминание о первой начальнице не дало скучиться, Васька расправила плечи и с вызовом сказала:

– Значит, такие мужики хилые были! А я девушка крепкая. Да и готовлю уж точно получше того, кто здесь сегодня кухарил.

– У меня сегодня кухарил я, – веско заметил трактирщик и замолчал, о чем-то размышляя. Потом подвигал челюстью и осведомился: – А рекомендации у тебя есть?

Лиса закашлялась от возмущения.

– Рекомендации? А то! Несъедобную бурду делаю быстро и недорого, кто угодно подтвердит.

Ее колкость осталась без ответа. Собеседник задумчиво оглаживал усы.

– Рекомендаций нет, значит... – сказал он, растягивая слова, и пробормотал совсем уж непонятное: – Да и собой тоща...

Нет, ну надо же! Девушка закипятилась. Угодила в новый мир, но и тут, похоже, не вписалась в каноны прекрасного. У себя была недостаточно худа, здесь недостаточно полновата! Однако досада не помешала на всякий случай уточнить:

– А вы точно стряпуху ищете? Не мякоть для жаркого? А то я, пожалуй, пойду...

Лучше уж сразу внести ясность, чтобы потом не мучиться сомненьями.

– Я те пойду... – пригрозил хозяин и, перегнувшись через стойку, удержал собеседницу за плечо. – Пойдет она. Стряпню охаяла, гадостей наговорила, а уж идти собралась.

Пришлось остаться. Трактирщик еще минуту-другую раздумывал и, лишь полностью исчерпав мыслительные силы, спросил:

– Готовить-то хоть умеешь?

Ага, клюнул! Соискательница гордо приосанилась, тряхнула кудрявой головой, добавила взору полета и страсти и даже вздернула подбородок:

– Умею. А если хорошо заплатишь, то через месяц от посетителей отбоя не станет. – Это заявление, конечно, прозвучало несколько хвастливо, но Василиса решила, что сможет пережить муки скромности.

К сожалению, трактирщик не внял и передразнил:

– «Умею»! Да ты наглая.

– Такая.

– Тяжести таскать сможешь? – Он подозрительно сощурился. – Учти, поблажек не будет.

– Так вроде же видно, что от ветра не рассыплюсь.

– Хм...

Багой снова подвигал челюстью. Видимо, без этого простого движения мыслительный процесс у него не завязывался.

– А муж, девка, против не будет? Не придет сюда орать да клешнями размахивать?

– Не придет, – утешила Лиса работодателя и пояснила: – Я незамужняя.

– Странная девка. А ежели выскочишь?

– А ежели и выскочу, так когда это будет? – парировала собеседница и уточнила: – Тебе кухарка нужна или нет? Судя по запаху – очень даже. Да и посетителей не видать. А которые приходят, так небось больше пьют, чем закусывают.

– Платить много не буду, – никак не отреагировав на последнее заявление, ответил хозяин.

– Много пока и не надо, – согласилась соискательница. – Только угол, где буду жить, кухню в полное распоряжение, ну и... возможность есть то, что приготовлю.

– Хм... Воду таскаешь сама. Помощников у тебя почти нету. Одна девка, и та чахоточная, да еще и без мозгов. Ныть будешь – выкину. Если за две недели посетителей не прибавится втрое, снова выкину. И денег тогда не жди.

Василисе стало смешно, но все же она сдержалась, не стала хихикать, только с очень серьезным лицом ответила:

– Договорились. Но если через две недели народу привалит больше чем втрое, запла-тишь.

Трактирщик захохотал. Но кивнул. Только одобрительно заметил:

– Лютая! Пошли, покажу владения.

И он поманил девушку в святая святых, на ходу инструктируя:

– Значит, жить станешь под лестницей. Есть там у меня каморка. Для такой прощелыги – в самый раз. До солнышка встаешь, вот тут, в кладовке, запасы берешь и стряпаешь. Чтoб к рассвету харч готов был. Чего надо – скажешь. Сегодня, до сна, посуду вон перемо-ешь.

Василиса проследила за царственным движением могучей руки и едва не осела на пол. Перед ней раскинулся полигон ТБО... Точнее, гора мусора и потрясающего, просто феери-ческого бардака.

– Кухня, – коротко и емко пояснил халдей.

Девушка с трудом перевела дыхание.

Сказать, что здесь было грязно, – это ничего не сказать, здесь было настолько грязно, что малейший шагок казался актом насилия над личностью и должен был быть запрещен ООН, ЮНЕСКО, Лигой Наций и Женевской конвенцией.

Захламленное помещение с двумя большими окнами, огромной то ли плитой, то ли жаровней, двумя разделочными столами когда-то могло быть мечтой повара – просторно, светло... Вот только все это было в незапамятные времена, наверное, сразу после строитель-ства. Ибо окна точно не мылись уже лет пятнадцать – на широких подоконниках лежали горы грязных мисок, тарелок, чашек и плошек, занавески, черные от гари и пыли, болтались грязными тряпками, а стекла оказались такими мутными и закопченными, что через них можно было спокойно наблюдать солнечное затмение без боязни получить ожог сетчатки.

Помимо подоконников грязной посудой были завалены и все остальные свободные поверхности: покрытая горелым жиром жаровня, липкие разделочные столы и даже лавка. Кстати, на полу возле двери ютились две кадушки – в одной плавала жирная тряпка, а в дру-гой очистки и какие-то непотребные отходы. Вонь надо всем этим стояла такая, что глаза щипало.

– Твою ж... – витиевато выругалась Василиса, чем заслужила кривой, полный уважения взгляд Багоя.

Девушка уныло вздохнула. Гид тем временем продолжил тыкать пальцем в разных направлениях, ознакомляя с интерьером, мол, тут коромысло, тут дрова (мама родная, кто знает, как готовить в печи?!), здесь котелки и сковородки, вот – ножи.

– Значит, готовить надо похлебку да какую-нибудь тушенину, – сообщил он. – Чего – решишь сама. Понятно? Теперь пойдем, каморку покажу.

Лиса поспешила следом, попутно выясняя:

– Похлебку, тушенину – с этим ясно. Сделаю. А еще какие блюда?

Мужчина остановился.

– Я ж тебе сказал, – терпеливо произнес он. – Все блюда – на кухне, помоешь – пользуйся. И миски тоже там. Идем.

Н-да... Васька потеряла переносицу. Хорошо хоть про меню уточнять не стала, а то работодатель вообще бы завис до утра.

Тем временем путь из кухни пролегал прямоком к комнате, что поступала в единоличное владение новой кухарки. Обещанная каморка оказалась настоящей норой – крохотный чуланчик без окон. Здесь всего и умещались – узкий топчан да сундук. М-да... Предстояло Василисе Евтропиевне жить, как несчастной Козетте.

– Хозяйствуй! – тем временем произнес Багой с таким пафосом, словно одаривал девушку половиной всего заведения.

– Ага.

К сожалению, на большую благодарность Лиса оказалась неспособна ввиду тошной усталости. А ведь еще кухню драить...

На ум лез только мат. Эх. Собрав в пухлый кулак всю свою могучую силу воли (а какая она еще может быть у человека, попеременно сидящего на всех возможных диетах?), новоявленная кухарка вернулась на рабочее место. Подозрительный трактирщик пошел следом. То ли боялся, что работница сбежит, то ли, что попутно прихватит с собой часть его грязного, засаленного добра.

Ну вот и авгиевы конюшни. Во всей красе. Василиса задумчиво оглядывалась, прикидывая, с чего начинать уборку. Вдруг в дальнем углу что-то негромко зашуршало. Первая мысль была: «КРЫСА!» Стряпуха уже собралась прыгать выше головы и орать, переходя в ультразвук, но обошлось. Шуршала, разбирая сваленные в кучу вязанки лука, тоненькая девушка.

– Зария! – рявкнул стоящий за спиной Василисы Багой так, что обе его подчиненные одновременно вздрогнули. – Чего ты там колупаешься?! Сказал же – повесить на гвоздь, нет, возится, как мышь полевая, шуршит!

Та, к кому обращалась эта гневная отповедь, испуганно вжала голову в плечи и залепетала извинения. Однако жалкое бормотание только сильнее рассердило хозяина – он в сердцах замахнулся на щуплую девчонку, но в последний миг сдержался, лишь плюнул под ноги.

– Прибить бы тебя, недоразумение ходячее.

«Недоразумение» подобным отношением к себе ничуть не возмутилось, лишь еще сильнее ссутулилось, принимая поношение. Василиса, глядя на это, с удивлением ощутила, что вместо желания встать на защиту заведомо более слабой борется с искушением... отвесить ей подзатыльник. Нескладная, угловатая, страшенькая, вся какая-то... ущербная. В этот самый миг «ущербная» подняла взгляд, до того опущенный в грязный пол, и Лиску окатила волна жгучего стыда.

В темных глазах светилась тихая мудрость, смирение и... понимание. Эта девушка знала, какие чувства вызывает в людях. Знала и ничуть этим не возмущалась, будто бы считала, что не заслуживает иного. Густая черная челка скрыла взгляд Зарии, наваждение развеялось, но Василиса все равно стояла пристыженная. Как будто это ей дали подзатыльник. Причем за дело.

– Кто она? – отчего-то хрипло спросила Лиска у своего работодателя.

Багой отвлекся от ругани и вновь повернулся к стряпухе.

– Наказание мое за грехи... – проворчал он. – Взял на свою голову. И видеть тошно, и выгнать жалко – работает почти даром. Помощница это твоя. Чернушка. Следи, чтобы не ленилась. Девка она, может, и неплохая, но бестолковая-а-а...

– Ясно.

– Гляди у меня – слушайся. Не то всыплю – мало не покажется! – снова повернулся трактирщик к Зарии.

После этого «наставления» мужчина показал хилой слушательнице могучий кулак и наконец ушел с кухни. Василиса какое-то время бездумно стояла, глядя перед собой.

– Поспать мне сегодня явно не удастся... – пробормотала она под нос и с тоской огляделась.

Мир спасти проще, чем отдраить эту кухню. И что только от ворона сбежала? Ладно... Может, хоть похудеет от такой жизни.

– Вода у вас где? – не глядя на «помощницу», Лиска засучила рукава.

– В колодце, – тихо ответила Зария, махнув рукой на открытую дверь черного хода. – Принести?

– Сама схожу – тебя ж ветром унесет, – буркнула Васька. – Помочь хочешь – найди веник или метлу... что-то, чем можно выгрести мусор. И мешки... много мешков.

– Странная ты, – едва слышно произнесла чернушка.

– Почему это? – Ее собеседница в это время обозревала кухню с видом военачальника, готовившегося бросить войска в отчаянную атаку.

М-да. Простая метелка тут не поможет, нужно что-то помощнее. Бульдозер, например. Или напалм. Или маленькую ядерную бомбу. Эх, лопату бы совковую.

– Слушай, а лопаты для навоза нет у вас в хозяйстве? Ну, или чего-то, чем вы тут грязь собираете. – Девушка смотрела на усталый пол и разнообразной шелухой.

– Чем «мы»? – После этих неосторожных слов Зария осеклась, часто-часто закивала и заторопилась в чулан, подволакивая ногу.

Василиса же снова обозрела кухню, закрыла глаза и сказала:

– Лучше бы я спасала Вселенную.

Все последующие часы, что она и Зария выгребали мусор, мыли окна, драили полы, чистили сковородки, жаровню, стены, кастрюли и вообще все, что только попадалось на глаза.

Мытье шло из рук вон плохо – без рекламных средств жир никак не хотел оттираться, а гнусная тряпочка только еще сильнее его размазывала. Зевая и злясь, Васька яростно терла грязь песком, который притащила с улицы ее помощница. Но все равно провозились труженицы едва не до рассвета.

И лишь только после того, как последняя сковородка, сияя блестящими боками, заняла свое место над вычищенной плитой, Василиса взяла на себя смелость переместиться в свою каморку. По пути к месту ночлега она буркнула Багою, скучающему за своей стойкой, что в ее конуре только цепи и не хватает, после чего скрылась за дверью. Спать! Все остальное – завтра.

Перепутье. Маркус.

Оказалось, сложный выбор сделать удивительно просто. И вот все уже готово для начала войны. Почти все. Еще один свиток с начертанным на нем именем лежал перед Маркусом. Еще одна судьба. Вот-вот готовая оборваться. Она имела огромную ценность для Талис. Его богини.

Маркус крутил свиток так и этак, решая, как поступить. Казалось, выбор очевиден, но...

Выдержит ли она?

Сможет ли вынести испытания, которые он на нее обрушит?

Не сломается ли?

Ведь, оставь он ее в покое, девушка уйдет без мук и сожалений.

Так стоит ли она шанса? Да и нужен ли ей он?

Бог снова прочел имя. Красивое.

Возможно, если ей будет, за что бороться... или за кого?

Мужчина снова бросил взгляд на лежащие рядом свитки с двумя именами.

Хм.

Да. Именно так.

Заодно и запутает тех, кто ждет его следующего шага.

Перехлестье. Василиса и недоразумение

Увы, завтра наступило как-то слишком уж быстро. Даже сон не успел присниться! Казалось, только Лиска прикорнула, только прижалась щекой к тощей подушке, как уже Багоев глас воззвал из тьмы:

– Эй! Ты чего, уговор забыла?

Дверь в кухаркины хоромы распахнулась, на пороге возник хозяин с лучинкой в руке. Соня зажмурилась от яркого сияния огонька и села, прячась под одеялом.

– Дрыхнет! – ужаснулся мучитель. – Она дрыхнет! А скоро рассветет. Мигом на кухню и за горшки!

– Иду, иду...

Он поставил светец на сундук и исчез. Девушка, позевывая и ежась, оделась, мысленно проклиная того, кто выдумал платья с длинными просторными юбками. Интересно, этот эстет хоть раз пробовал целый день ходить, путаясь ногами в подоле? Кстати, с первой зарплаты нужно будет купить обувь, а то кроссовки могут вызвать нездоровый интерес у здешней публики... А еще штаны. Крепкие такие штаны. Ибо наряжать такую тумбочку, как Василиса, в пышные юбки есть издевательство над честью и достоинством.

Вообще нынешнее утро принесло одно только разочарование. Как же Васька надеялась, что проснется в своей комнате! Проснется и первое, что увидит – уголок отклеившейся полоски обоев, так давно напоминавший ей о несовершенстве мира и собственной забывчивости, благодаря которой она никак не могла зайти в хозяйственный магазин и купить клей. Увы. Ни тебе привычных обоев с бабочками, ни электронного китайского будильника возле дивана, ни телевизора. Бе.

И вообще, все тело после ударного труда, совершенного накануне, ныло и болело. Состояние организма было такое, словно Лиска все-таки спасла если не Вселенную, то какой-то маленький, но очень погибающий мир. Причем спасла, закрыв собственным дородством.

Когда же золотая работница, поглощенная размышлениями, пришла на кухню, там уже жарко полыхала печь. А в огромной кадучке, опустившись в деревянные недра едва не по пояс, Зария месила тесто. Ну или тесто засасывало Зарию... было не совсем понятно.

Ну-с, посмотрим, что тут у нас? Широкий передник Васька надела привычным движением и тут же ощутила сногшибательное дежавю. Сколько дней ее жизни начинались так? Несчетное количество! И вот теперь, попав в незнакомый мир, она занималась тем же, чем позавчера и вчера (неужели вчера? А кажется, будто вечность прошла), – приступала к привычной работе повара. Хм.

Однако на поверку работа оказалась не такой уж и привычной – ни тебе чугунных сковородок, ни кастрюль с микрокапсулированным дном, ни терок. Это не говоря уж об электрической плите. То, что в условиях современности занимало пять минут, здесь требовало вдвое больше времени и сил. Мало того, окинув глазами содержимое кладовой, Лиса вообще пришла в ужас. Из знакомых круп всего и было – горох, фасоль да чечевица, а что такое вот это – розовое, похожее на семечки граната?

Плюс, конечно, овощи. Капусту, морковь, свеклу, лук с чесноком, кухарка, конечно, опознала. Но все остальные корешки вид имели самый инопланетный. Ну кто вот скажет, что это – голубое и в отростках? Девушка покрутила в руках диковинный корнеплод. Во попала... Пока она удивлялась, в кладовку заглянул Багой и рявкнул:

– Ты чего в кэлахай вцепилась, как собака в кость? Работать будешь или нет?

Ну, хоть название теперь знает... Она бросила непонятный плод обратно в корзину и засучила рукава. Ладно, придется разбираться в процессе.

Не мудрствуя лукаво, было принято решение обойтись нынешним утром меньшей кровью, то есть сделать луковый суп, капусту в кляре и тушеные свиные ребра. Кстати, Василису особенно удивило обилие всевозможного мяса. Она как-то привыкла к тому, что в ее реальности мясо – самый дорогой продукт после элитной рыбы типа сибаса и стерляди, здесь же оно, судя по всему, не считалось пищей людей высокого достатка.

Зато пряности и мука были на вес золота. Это стряпухе доходчиво объяснил Багой, возникавший рядом всякий раз, когда она совалась в мешок с мукой или брала щепоть специй. С последними, кстати, оказалось проще всего – поварское чутье не подвело, а скромность ассортимента все упростила.

Надо заметить, поначалу хозяин и строгий цензор ходил за новой работницей по пятам, пытаясь отпускать замечания и задавать вопросы, но потом совершенно растерялся, ибо абсолютно не понимал производимых действий. Мало того, Багой впал от творящегося на его глазах безобразия в транс и даже не пытался протестовать – сидел в уголке, закрыв лицо руками, и качал головой. Судя по всему, он уже видел, как его харчевню с проклятиями покидают последние самые стойкие и верные посетители. Посидев в глубоком шоке, трактирщик наконец поднялся и ушел в зал. Видать, понял, что в противном случае нервы не выдержат.

Пока Василиса священнодействовала, Зария таки сумела вырваться из трясины теста и захопотала у плиты, водружая на нее огромный чайник. Лиска, едва вспомнив, как драила его накануне, сразу расхотела есть. А ведь... на кухне впервые вкусно пахло!

– Ты что-то приготовила? – спросила она помощницу.

– Ты же вчера вечером сказала, что надо сделать на завтрак... слово, которое я не запомнила.

– Сырники?

– Да, сырники... Но я не знаю, что это, и сделала блины.

– Так ты умеешь готовить? – удивилась Василиса. – А почему тогда тут было... все это?

И она широким жестом обвела ныне сверкающую кухню.

– Вся эта грязь, вонь? Почему?

– Я делаю, что приказывают, – тихо, не поднимая головы, ответила девушка. – «Приготовь харч» и «сделай сырники» – это совершенно разные просьбы.

Удивительное дело, в голосе девушки не прозвучало и тени насмешки или ехидства. Она и правда привыкла жить так, как приказывали, делать то, что требовали. Словно автомат! Не задумываясь, не проявляя себя.

Василиса пристально посмотрела на чернушку, пытаясь понять – что же с ней не так? Что-то странное было в девушке, вот только что? Впрочем, Васька быстро выкинула из головы лишние мысли и принялась за готовку. Следовало отрабатывать содержание и место ночлега. Удобное и уютное – ха-ха-ха... Плюс, конечно, хотелось денег. А ради зарплаты следовало расстараться.

Ну да, конечно, умный человек привнес бы в этот отсталый средневековый мир реакцию ядерного синтеза. Василиса же могла поделиться только рецептами.

И вот уже через несколько минут на плите весело кипело, шипело, пыхтело и благоухало все то, чем Лиска собралась завоевывать мир. А через некоторое время на кухне, жадно втягивая воздух, снова материализовался хозяин «Кабаньего пятака». Он оглядел трудящихся девушек, шумно сглотнул и... поведив носом, молча ушел обратно в зал, так ничего и не сказав.

– Это первый раз, – тихо-тихо пробормотала Зария.

– Что именно? – поинтересовалась Василиса.

– Первый раз ни единого замечания. Удивительно...

Про себя новая кухарка подумала, что Багой тем не менее склонен к излишней критике, но все равно довольно ответила:

– Ну, я вообще крайне удивительная, – и выложила очередную порцию капусты на раскаленную сковороду. – Попробовал бы он что-нибудь сказать после того, как мы тут до ночи вкалывали, как рабы на галерах.

Наконец, когда священнодействие возле печи подошло к концу, стряпуха поставила перед задумчивым работодателем любовно сервированные миски. Подопытный взглянул на тарелки и громко сглотнул. Не от голода, нет. От удивления. Еще бы! По сервировке у Василисы в техникуме всегда было твердое «отлично». Собственно, и по всему остальному тоже, но сервировку она особенно уважала, поскольку умело сложенные кусочки даже несъедобной еды вызывают резкий прилив слюноотделения, а это уже половина дела.

Багой смотрел в тарелку, как в телевизор, – долго и сосредоточенно. Наконец взял ложку и нерешительно отведал. С каждым новым проглоченным куском лицо его все более мрачнело. Под девушкой задрожали ноги. Ну что еще не так? Неужто не нравится?! Дегустатор поднял угрюмый взгляд.

– И чего ты от меня ждешь? – спросил он, откладывая ложку.

Кухарка ответила, с трудом сдерживая обиду:

– Для начала хватило бы и простой благодарности.

– Ну, благодарствуй.

– Не на чем. А что такой вид, будто в еде плавает дохлая сколопендра?

Трактирщик подвигал челюстью (видимо, без предварительного жевания мыслительный процесс у него по-прежнему не завязывался), вздохнул и сказал:

– Вкусно.

– И?

Он снова пожевал, ковырнул ногтем в зубах, опять испустил тяжкий вздох, после чего разразился:

– Сразу ясно, что одного ночлега за такую работу мало, то есть ты сейчас привадишь ко мне народ, а потом запросишь денег. Заплатить я тебе не смогу, а значит, ты сбежишь, и вместе с тобой сбегут все посетители, а заведение бабки Багой останется без медяка.

Диво! Василиса восхитилась такому стройному ходу мыслей. Прямо как в анекдоте, в котором из слова «рыбка» у барышни, путем логических построений, получилось слово «проститутка». Впрочем, надо успокоить человека.

– Послушай, Багой, – она села на скамью рядом с работодателем, – но ведь если к тебе начнут валить посетители, прибыль вырастет, а значит, платить будет нетрудно.

Он в ответ возвел очи горе, тяжело вздохнул, подергал ус и... кивнул!

Вот так, проявив вопиющую наглость, Лиса выбила себе повышение зарплаты с первого рабочего дня. Осталось только угодить посетителям. И еще никогда девушка не переживала за свою стряпню до такой степени. Как оказалось, зря. К вечеру покрасневшийся от удовольствия хозяин пересчитывал небывалую для своего заведения выручку и клялся, что если кухарка продолжит так же вкусно готовить, то ему будут платить даже за запах стряпни.

...Весть о харчевне, в которой готовила женщина, причем готовила так, что от посетителей не было отбоя, разнеслась за несколько дней.

Багой теперь заглядывал на кухню только по утрам, чтобы снять пробу с очередного готовящегося блюда. Две недели подряд его новая работница умудрилась ни разу не повториться, и заведение ломилось от народа.

Дошло до того, что трактирщик пригласил плотников, и те разбили во внутреннем дворике нечто похожее на веранду – со столами и скамьями. Первое время там было относи-

тельно свободно, но с каждым днем погода делалась все ласковее, и скоро желающих вкушать пищу на открытом воздухе стало больше. А еще через пару дней посетители занимали уличные столики прежде, чем зал в харчевне.

Работы у девушек резко прибавилось. Лиска радовалась – объемы были почти такие же, как и в ее родном мире, да и аппетит у здешних жителей оказался ничуть не хуже.

Расстраивало только одно – попадание в неизвестный мир ограничилось лишь сменой декораций. И справедливости ради следует сказать – прежние декорации нравились Ваське куда больше. Отсутствие комфорта и удобств, встречающееся теперь на каждом шагу, сильно омрачало жизнь.

Лишь сейчас девушка поняла, насколько обленился человек двадцать первого века. В цивилизованном-то мире ведь все без затей: щелкнул выключателем – вот тебе и свет, кран открыл – холодная вода, другой повернул – горячая. Здесь: лучинка, чадящая, как крематорий, вместо водопровода – колодец, вместо водопроводного крана – ворот с цепью. И вода только одна – холодная. Зато, конечно, и по вкусу она отличалась о-го-го! А Багой еще ворчал, мол, в городе колодцы горькие, то ли дело лесные источники!

Ну и в целом. В целом еда значительно отличалась по вкусу. Без привычных Е621 и Е324 казалось, что в мясе как-то слишком много мяса, в бульоне – бульона, а в рыбе – рыбы. А еще говорят, будто химические добавки делают еду вкуснее. Сплошное вранье. Такую колбасу и такую свинину Василиса ела только в далеком детстве, когда еще были живы старые ГОСТы. Одним словом, девушка претерпевалась к суровой действительности, по привычке стараясь отыскать в ней плюсы и преимущества. Ну не сидеть же, рыдая и заламывая руки, так?

А к концу третьей трудовой недели на кухню зашел торжественный и загадочный хозяин, молча и со значением положил на стол мешочек с монетами и так же молча вышел, словно совершил некое священнодействие. Как сказала Зария, на глаз оценивая содержимое мешочка, сие со стороны Багой было лучшей похвалой.

Василиса счастливо улыбнулась:

– Ну, рассказывай! Что здесь сколько стоит и где я могу купить штаны?

– А ты разве... не отсюда? – единственное, что смогла пролепетать Зария, прежде чем Василиса схватила ее за руку и поволокла с кухни.

– Нет, – известила Васька и добавила: – Но подробностей не скажу.

Она не считала эту запуганную девушку чахоточного вида не стоящей доверия, просто... пока еще побаивалась делиться своим диковинным секретом. Зария тем временем молча семеняла следом, не задавая никаких вопросов и явно робая.

Вообще чернушка всегда имела такой виноватый и покорный вид, что на нее против воли хотелось сорваться всякую секунду. Лиска сдерживалась изо всех сил и попутно гадала – отчего некоторые люди рождаются с острым чувством вины за сам факт своего существования? Помощница старательно делала все, что попросят, жалко суетилась, но при этом казалось, что работает... с какой-то покорной затаенной отрешенностью. Одним словом, острое желание прибить ее, чтобы не мучилась, вымотало Василисе всю душу.

Но... надо же как-то налаживать контакт? Тем более Зария так сильно мышлилась, что слабые зачатки эмансипации, воспитанные в Ваське реальностью двадцать первого века, не позволяли равнодушно наблюдать за подобной смиренностью.

Поэтому сейчас стряпуха тащила растерянную подчиненную в сторону, непонятную даже ей самой.

– Куда мы бежим? – Чернушка споткнулась и едва не упала.

Ой. Василиса совсем забыла, что она хромоножка и не может мчаться со скоростью орловского рысака.

– Как куда? На рынок, конечно!

– Но он же в другой стороне!

Прокляв в душе не только свой топографический кретинизм, а в принципе кретинизм, Васька круто развернулась и понеслась дальше, продолжая тянуть за собой упирающуюся Зарию.

– Да что ж ты еле тащишься? – кипятилась нетерпеливая кухарка. – Нам же зарплату дали!

– Нам? – Помощница захлопала глазами.

А Василиса, всю жизнь жившая по принципу – все, что делается вместе, оплачивается тоже вместе, просто не могла понять ее удивления.

– Ну да. Ты идешь уже?! Мне одежда нужна, я здесь ничего не знаю. А ты, по крайней мере, тут живешь и в курсе всего, ну?

Спутница покорно повиновалась, захромала увереннее и даже взяла инициативу в свои руки. Если, конечно, можно было назвать ее неловкие комментарии инициативой: «Сейчас направо», – говорила она едва слышно. И Василиса незамедлительно сворачивала в противоположную сторону. «Да нет же, направо», – разворачивала ее помощница.

Васька говорила: «А-а. Ну я так и думала». И выравнивала, наконец, вектор движения строго по азимуту, но, увы, только до следующей развилки. Там осторожные руки снова робко трогали ее за плечи, и девушка в очередной раз поворачивала куда следует, а не куда звала душа.

И каждый раз, когда Зария к ней прикасалась, Василиса чувствовала необычное напряжение, исходящее от легких пальцев чернушки – то ли тепло, то ли жар... Скорее это было похоже на слабый электрический разряд, только приносил он не боль, а прилив каких-то будоражащих сил. А может, просто казалось.

По пути к торгу Василиса, кстати, убедилась, что трактир Багоя стоял не просто на отшибе, а вообще... черт знает где. Видимо, в самом сером, невзрачном и облезлом квартале. Дома здесь были небогатые и неказистые, бесстыдно жались друг к дружке стенами, заборами и кровлями, нескромно выпячивались навесами и столбами крылец. Меж ними петляла ныне подсохшая грунтовая дорога, которая в распутицу, наверное, раскисала до состояния манной каши. Из-за этого стены всех жилищ чуть не на метр были покрыты брызгами засохшей грязи. Словом, пейзаж, достойный в своей унылости пера Достоевского, если бы не весело зеленеющие деревья.

Девушка шла, с наслаждением вдыхая прогретый солнцем весенний воздух. Зария ковыляла рядом, упрямо глядя под ноги и по обычаю занавесившись от солнца, ясного денька, своей спутницы и встречных прохожих челкой.

«А дома сейчас разгар лета...» – думала Василиса.

В общежитии небось раскалилась крыша, и в комнатах теперь духота да жарница. Тетя Нюра – бессменный комендант – наверняка привычно ругается с жилконторой по поводу текущих кранов, а Галька из соседней комнаты нет-нет да включает микроволновку, из-за которой на всем этаже вышибает свет. Ох, как же хочется домой! Хоть бы одним глазком взглянуть на Юрку (он, наверное, до сих пор ищет несчастную пропажу), на вечно поддатого повара Леню, на Гальку с ее ненавистной микроволновкой, даже на мать. Последняя, правда, совсем спилась. Но все-таки по ней скучалось тоже. Родня ведь... Какая ни есть.

Печальные мысли отлетели при выходе на главную улицу. Здесь изменилось все – стыдливо отпрянули подальше грязные закоулки, мостовая раскинулась от края до края, красивые каменные здания потянулись в апрельское небо, красная черепица весело топорщилась на покатых крышах. Хм... похоже, Василиса и впрямь жила и работала в трущобах.

А тут по мостовой цокали красивые лошади, проезжали богатые экипажи, горожане выглядели наряднее и богаче. На фоне некоторых Василиса в своем облезлом и полушубке (надетом к тому же совершенно не по сезону) и блеклой юбке казалась военной беженкой.

Да, и к слову, о местных дамах! Они согрели взгляд пышностью форм и здоровым румянцем. Следовало признать – по здешним улицам практически не бегали суповые наборы с остренькими личиками и бледной кожей. В женщинах тут, по всей видимости, ценились не торчащие ребра и ключицы, а плавная округлость. Впервые в жизни Лиса не чувствовала себя сдобной шанежкой среди высушенных галет.

Только вот Зария на фоне всеобщего здоровья, щек и румянцев казалась каким-то ожившим скелетом. Смотрели на нее с брезгливым недоумением. «Да что ж за люди-то тут!» – кипятилась про себя стряпуха и отчаянно боролась с искушением отвесить тяжелый подзатыльник какой-нибудь пышнотелой кумушке, надменно кривившей рот при виде сгорбленной костлявой спины ее подопечной.

И пока застарелые комплексы с рыданиями отмирали, а пролетарский гнев еще не владал в Василисе над здравым смыслом, ноги шаг за шагом приближали двух путниц к цели: где-то недалеко уже шумела и гудела ярмарочная площадь. Голоса лоточников, наперебой расхваливавших товар, перекрывали друг друга.

Рынок был огромен! Все здесь оказалось на прилавках и телегах. На входе визжали свиньи, ржали лошади, блеяли овцы, одним словом, вокруг мекало, мумукало, гавкало и кудахтало... Но поскольку Васька скотиной обзаводиться не собиралась, то сразу свернула к лоткам с тканями и шитьем. Ассортимент приятно радовал глаз качеством и расцветкой, а посему горести и печали под волшебным воздействием чудотворного шопинга отступили.

Зария ковляла рядышком, переваливаясь, словно уточка, и тихо бормотала, если за вещь, которую выбирала ее спутница, торговец заламывал бессовестную цену.

– Ты чего там бубнишь, недоразумение? – не выдержал один из купцов, у которого Васька собиралась купить сорочку. – Чего бубнишь, спрашиваю? Дорого если, так и пошла вон, не тебе покупать!

И он перегнулся через прилавок, чтобы отвесить безответной жертве бодрящий тычок под костлявые ребра. Василиса вовремя перехватила руку обидчика и отшвырнула прочь.

– Клещи сложи, – сухо посоветовала она разбушевавшемуся мужчине. – Не то переломаю ненароком.

Продавец изумленно захлопал глазами, а Лиска швырнула понравившуюся сорочку на прилавок и, подхватив Зарию, была такова.

Подчиненная молчаливо семенила рядом, а кухарка сердилась:

– Что ты вечно, как во всем виноватая, молчишь? Нравится, что ли, когда затрещину дать попытаются?

Но ее праведный гнев пропал втуне. Потому что чернушка только еще сильнее вжала голову в плечи, закашляла и, казалось, готова была вот-вот заплакать. Васька досадливо выдохнула и отправилась дальше. Штаны-то все равно купить надо. С одной стороны, хотелось несчастную спутницу пожалеть. С другой... где гарантия, что она примет эту жалость и что та ей вообще нужна? И вот, терзаемая противоречивыми мыслями, Лиса продолжила скитаться от прилавка к прилавку, от лотка к лотку.

Лишь через пару часов, нагруженная пирамидой свертков, девушка почти на ощупь пробиравась сквозь толпу – довольная и счастливая. Довольная, потому что купила почти все необходимое, а счастливая, потому что наконец скинула жаркий полушубок и облачилась в холщовую накидку с широким капюшоном.

Одежка радовала Васькину исстрадавшуюся по сезонной одежде душу. Ну и плюс ко всему стряпуха довольно пристукивала каблуками замечательных башмачков. Теперь можно не опасаться косых взглядов, которые прохожие изредка бросали на ее стоптанные и грязные кроссовки.

Вот только со штанами получилось как-то неловко. Торговец, к которому подошла беззаботная покупательница и попросила примерить штаны на свою комплекцию, окинул ее холодным взглядом и поинтересовался:

– Штаны? Тебе? Ты, девка, блажная, что ль?

Зария рядом от ужаса попыталась обратиться в маленькую тучку и улететь прочь.

– Почему блажная? – удивилась Василиса и осеклась, только сейчас понимая, что за все время, проведенное в этом странном мире, ни разу не встретила женщину в штанах. Эх, дурында...

– Какое «мне»? Совсем очумел? – напустилась она на купца. – Щас как мужа позову, он тебе быстро навешает! Оскорбить меня вздумал – приличную женщину, мать шестерых детей? Вы только посмотрите на этого нахала!

И девушка быстро повернулась к снующим мимо горожанам, ожидая поддержки и всячески раздувая скандал.

– Этот человек решил, что я куплю у него штаны и напялю их на потеху всей толпе!

Торговец, мигом растерявший безмятежность, замахал руками:

– Уймись, уймись, до чего вы склочные – бабы! Сама ж подошла и говоришь: «Есть на меня штаны?» И чего я подумать должен был?

Василиса подбоченилась и сверкнула глазами:

– Ты должен был подумать: «Ах, у этой уважаемой женщины есть муж или брат одного с нею тела». Хам! Евтропий! Иди сюда! Твою жену только что обозвали падшей женщиной, а ты там гнешь подковы и не слышишь!

Лиска орала так, что со всех сторон к прилавку стали стягиваться люди.

Торговец при упоминании подков побледнел, а дебоширка, видя его растерянность, пояснила:

– Он у меня иной раз на спор кобылу в гору заносит. Или подковы гнет. – И снова заорала не своим голосом: – Евтропий! Иди сюда!

– Тише ты, тише, чего орешь? На вот бери любые, только не скандаль, – закудахтал мужик, – вполцены отдам!

Василиса же свалила свои свертки в руки испуганно хлопающей глазами Зарии и быстро-быстро начала перебирать товар.

– Эти, вот эти, вон ту рубаху и этот пояс...

– Э-э-э... – возмутился было продавец, но девушка грозно нахмурила брови и уточнила: – Опять Евтропия кликать?

– Бери, только сгинь, – махнул рукой мужчина. – И ты, и Евтропий твой, и малахольная эта.

– Гляди у меня.

Васька кинула на прилавок несколько монет и была такова.

Ее спутница долгое время шла молча, борясь с удивлением, а потом едва слышно выдавила:

– Лиса, у тебя же нет мужа и детей.

Собеседница в ответ пожала плечами:

– Ну, когда-нибудь будут. А ты могла бы и сказать, что у вас тут женщины не носят портков. Не пришлось бы Евтропия звать.

Пристыженная помощница ссутулилась еще сильнее.

– Ладно, – сжалилась стряпуха, – выкрутились же. Сладенькое что-нибудь съедим?

С огромным сахарным коржиком Зария выглядела до крайности потешно – она держала его на вытянутой руке, словно не зная, что делать с такой красотой.

– Ешь. – И Васька подала наглядный пример, откусывая от своего лакомства.

Спутница нерешительно попробовала, и... впервые за несколько недель знакомства Василиса увидела, как бледное застывшее лицо девушки просветлело. Чернушка ела сладкую сдобу и впервые казалась... очень красивой, настоящей.

«Горе ты, горе», – подумала про себя кухарка. И девушки направились с торгового места прочь, протискиваясь сквозь толпу, уставшие, нагруженные свертками и с наслаждением жующие.

А Лиска размышляла, угадала она с размером или нет – подойдет Зарии голубое платье, которое она купила? Могла ведь напортачить с размером, ой могла. Ну, ничего, велико – не мало. А то все равно эти жуткие обноски, в которых чернушка ходит изо дня в день, уже порядком поднадоели. Будет ей подарок.

Глен и сила любви

Так странно... В далеком юношестве ему говорили, что, если человек стоит посреди помойки и думает о том, как прекрасен мир, – значит, он либо сумасшедший, либо влюбленный. Ну, в смысле, человек.

А еще его приятель Джинко как-то сочинил такой стишок:

Он был как будто прокаженный –
К нему никто не подходил.
Все потому, что он – влюбленный –
Все о своей любви твердил.

Это было просто вершиной Джинкового рифмачества. Ибо все его остальные стишки отличались редкостным непотребством. А этот... этот был просто смешным. Потому как всем известно, что влюбленный мужик, особенно если подопьет, будет каждому рассказывать про свою единственную и распрекрасную королевишну.

А вот Глену сейчас было совсем не с кем поделиться. Чем? Да влюбленностью своей. Потому что он и вправду... влюбился. Ну, или спятил. Ибо окружающий мир стал казаться ему прекрасным, заведение батьки Багой – роскошными палатами, а сам Багой практически венцом творенья. Нет, влюбился, конечно, Глен не в трактирщика. Не настолько он спятил от выпавших на его долю приключений. Да и вообще за беглым колдуном, беглым вором и просто беглым никогда прежде не замечалось сумасшествия, а значит, вывод лишь один – влюбился.

Но... *она* ведь была чудом!

Просиживая днями напролет в «Кабаньем пятаке», который благодаря новой кухарке обрстал все большей популярностью в Аринтме, Глен не сводил с *нее* глаз.

Мужчина с удивлением понимал, что никогда прежде не видел никого столь же прекрасного. От нее исходили волны света и радостные солнечные зайчики! Она вся казалась солнцем – теплым, ласковым, ясным. Ее улыбка... он никогда прежде не видел, чтобы женщина улыбалась вот так – словно бы сама себе, но в то же время...

Ему в ней нравилось *все*. Он не мог объяснить почему. Не понимал. Просто нравилось. И влекло с неодолимой силой! Влекло так, что приходилось стискивать зубы, перебарывая отчаянье, ведь приблизиться волшебник не мог. Скрытый завесой невидимости, он не заказывал умопомрачительно пахнущую стряпню, не подзывал обслугу. Но почему тогда *она*, несколько раз проходя мимо него, скидывала голову, словно отыскивая взглядом никем не замеченного посетителя? Ах, как он хотел окликнуть ее! Хотел улыбнуться, но еще больше хотел *поговорить* о ней. Хоть с кем-то! Рассказать о том, как блестят ее глаза. Какие они красивые! Как способна обогреть и утешить ее улыбка. Увы, собеседников и даже просто слушателей у него не было.

А может, Глен просто слишком много времени провел в одиночестве? Без возможности поболтать, покутить, без возможности просто жить, как жил всегда – разгульно, весело, рискованно? Теперь же он простой наблюдатель. Скучно-о-о. Есть хороший шанс свихнуться. Мужчина помотал головой и усмехнулся сам над собой. Глупости какие-то в голову лезут.

Говорят, если колдун начал задумываться о чувствах, значит, ему пора на покой, ибо от любви до дурости – один шаг. А дурость для колдуна – недостаток смертельный, особенно если учесть, что покой таким, как Глен, принести может, увы, только дэйн. Век бы его не видать.

К слову о последнем. Этот что-то зачастил в харчевню. Явно положил глаз на Василису. И хотя мага бесила сама мысль о том, что дэйн и он находятся под одной крышей, поделаться с этим ничего было нельзя. Но с другой стороны... как же весело понимать, что загонщик колдунов не чувствует, не знает про него! Потому как невидимость Глена до того сильна, что дэйн, могучий и всесильный, дэйн, которого даже колдуны и маги не могут убить, – он не ощущает его. Это забавляло.

Хотелось подойти и рывкнуть на ухо: «Выкуси!» Посмотреть бы, как он подпрыгнет. Но, конечно, ничего подобного Глен не делал. Дэйн есть дэйн. Вдруг все же учует. Лучше не выдавать себя. Ничего. Мы еще повоюем. Мы еще гаркнем свое «Выкуси!» так, что у всей харчевни будет в ухе звенеть.

В общем, дэйн таскался в трактир с завидной регулярностью и, видимо, хотел привлечь внимание стряпухи. Впрочем, последняя была одинаково приветлива со всеми и высокого гостя ничем не выделяла. Правда, когда он пришел в заведение первый раз, девушка расплылась в искренней улыбке и подлетела, сказав что-то, чего Глен не понял.

Дэйн ответил вежливо, но отстраненно. Как всегда. Улыбка девушки ни на миг не поблекла, но после этого Лиса держалась неизменно почтительно и тоже на расстоянии. Но Глен-то знал – дело было не в том, что кухарка почувствовала себя уязвленной или утратила интерес к мужчине. Просто Багой – злобный сыч – увидев, как стряпуха раздает авансы, испугался.

Сейчас, когда заведение стало наконец-то приносить прибыль, трактирщик впервые за многие годы разомлел от барышей, стал особенно жаден и придиричив – понятно же, что, наулыбавшись вдосталь видному посетителю, его работница поступит, как все незамужние бабы, – выскочит замуж и, весело помахивая передником, убежит нянчить детей да попиливать благоверного. А хромоножка Зария вряд ли сможет повторить трудовой подвиг этой вертихвостки.

Поэтому вечером того же дня Багой, насупив для пущей солидности брови, предпринял то, что в мире Василисы называли превентивными мерами, – провел с девушкой воспитательную беседу на тему – можно или нельзя строить глазки посетителям. Ответ был один – нельзя. Улыбаться улыбайся, но только по острой необходимости, ежели харч пересолила или там муху в похлебке кто отыскал, а чтобы дальше этого – ни-ни, а то ишь...

Васька сделала серьезное лицо, проникновенно покивала и последовала совету работодателя. Ей нравилось в его трактире, и портить отношения с довольно адекватным в общем-то мужиком не хотелось, тем более в новом мире девушка еще не очень обжилась. Опять же Зария есть – на кого такую оставишь?

Поэтому стряпуха каждое утро принимала озабоченный вид и всячески старалась нацепить на лицо серьезную мину. Однако от Глена не скрывались веселые смешинки, искрами мелькавшие в ее глазах. Стряпуха была забавная. Невысокая, мягкая, улыбчивая, с ворохом кудрей. Очень уютная и в то же время очень отовсюду заметная.

Поэтому, несмотря на внезапно посерьезневшую кухарку, люди в харчевню шли. А Багой хмурился каждый раз, когда беззаботная работница забывалась и улыбалась незнакомцам во все десны. Трактирщик старался держать хохотушку хотя бы подальше от зачистившего в трактир дэйна, подсылая к тому колченогую Зарию.

Вот и сейчас зыркнул на чернушку, чтобы поспешила, но та столь неловко собирала со столов грязные миски, что по всему было видно – сегодня дэйна обслуживать Василисе.

Хлопнула дверь, но харчевник этого не услышал, поскольку весь сосредоточился на мысли о несовершенстве мира и непостоянстве баб.

– Дэйн, а дэйн, что-то ты сюда едва не каждый день ходишь. – Напротив того, от кого Багой ревностно старался держать в стороне стряпуху, остановился высокий рыжеволосый мужчина.

Хищное лицо придавало ему определенное сходство с ястребом, чуть прищуренные синие глаза смотрели пронзительно и испытующе.

– Здравствуй... отец, – с небольшой заминкой произнес дэйн.

Во взгляде жреца промелькнуло мстительное удовольствие. О-о-о... он знал, как такие не любят служителей храмов, говорящих напрямую с богами! К тому же какой он ему отец? Они были ровесниками.

Почему дэйны не любили молельников? Да потому что те единственные, кто напоминал им и окружающим о том, что эти мужчины – всего лишь послушное орудие богов, исполняющее вышнюю волю. Не какие-то особенные, не избранные, не спасители. Жалкие наемники, которым и жизнь-то оставляли только потому, что не печально их было терять.

Да, не любили дэйны жрецов, но, увы, боги сказали свое слово.

– Здравствуй. Так что же ты сюда зачастил? – Пришедший легко опустился напротив и застыл, словно ожидая откровений.

Дэйн улыбнулся ему с такой же прохладцей во взгляде:

– Да вот... ем иногда. Наслаждаюсь. Все-таки непросто быть орудием богов. Да и голод опять же... терзает, как всех обычных людей – несколько раз в день.

– Мм, – с едкой насмешкой протянул собеседник и неожиданно произнес: – И все же я не понимаю, почему дэйны женятся? Ты не объяснишь? Вы ведь, хотя и воины, но не обычные наемники. По сути, бездумные исполнители небесной воли, а значит, должны быть послушным оружием в руках небожителей, лишены сомнений, страха, привязанностей. Я даже вопрошал об этом высшие силы, но, увы, так и не получил ответа.

Служитель храма обернулся и смерил равнодушным взглядом приближающуюся к их столику Василису. Хотя... может, этот взгляд казался не таким уж и равнодушным.

– Здравствуй, красавица, – расплылся он в улыбке.

Девушка улыбнулась в ответ.

Единственным посетителем, которого она приветствовала всегда с неизменно отсутствующим видом, был именно этот. Стряпуха Багоя как будто чувствовала деланость добродушия в голосе мужчины, словно была уверена в неискренности его слов.

– Ты так и не сказала мне, – тем временем продолжил молельник, – откуда у тебя на руках эти узоры?

– А вы так и не сказали, как вас зовут, – парировала Лиса и повернулась собеседнику жреца, а в глазах уже прыгали радостные смешинки. – Дэйн, тебе как всегда или новенькое чего-нибудь?

– А есть новенькое? – спросил тот.

– Ну, могу предложить знатную слоенку, ты же сладостен.

Слоенкой Василиса назвала некое подобие «Наполеона», которое смогла изготовить в здешних условиях, пропитывая медом и обсыпая коржи орехами.

Дэйн на секунду улыбнулся уголками губ, а потом кивнул.

– А вы что-то будете? – уже другим тоном обратилась она ко второму посетителю, смотревшему на нее с мрачным подозрением во взоре.

– Меня зовут Андалу, – спокойно сказал тот.

– Не верю! – тут же возразила девушка. – Вот... точно не Андалу. Так есть что-нибудь будете?

Храмовый служитель прикрыл на секунду глаза, и только крепко сжатый кулак выдавал его раздражение.

Он ничего не мог предъявить этой дерзкой девчонке. Магии в ней не было ни на грош... Веселая, всегда обходительная, она не нарушала никаких порядков – ну подумаешь, непонятные узоры на руках! За такое не заточишь в темницу. Но де-э-эрзка!

Да еще эта хромоножка, которая всюду за ней таскается, словно тень... Странная кухарка, одним словом. Она не боялась его. Да, собственно, никого не боялась! Он попытался выведать, есть ли у нее семья, но оказалось, предмет его подозрительных наблюдений совершенно одинок. Даже дома своего у Баговой стряпухи не было. Жила тут же – при харчевне. И откуда только такие берутся?

– Принеси что-нибудь на свой выбор, – махнул в конце концов рукой жрец и снова повернулся к своему собеседнику. – Итак?

Дэйн чуть откинулся назад, постукивая пальцами по столешнице.

– Итак? – повторил он эхом. – С какой целью отец, который не снисходит до простых людей без воли богов, освятил своим присутствием плохенькую харчевню? В очередной раз.

– Голод... терзает, – парировал служитель.

Молчаливый поединок взглядов продолжался до тех пор, пока Василиса не принесла обоим трапезу. Поставив перед молельником широкое блюдо жаркого, она подмигнула дэйну, подвигая ему тарелку с большим куском слоенки.

– Ешьте с удовольствием! – прощепетала девушка и стремительно удалилась, успев, однако, отметить выражение досады и брезгливости на лице служителя, отодвинувшего от себя ароматный обед.

Дэйн усмехнулся. Храмовые послушники подчинялись обетам и держали себя в чистом теле. Воин даже слегка сочувствовал этим людям, которые всю жизнь посвятили молитве и посту. Не ели мяса, не пили вина, не прикасались к женщине, не обзаводились домом или еще каким-то имуществом. Столько запретов, столько всего упущенного ради единственной возможности говорить с богами! Стоит ли диалог с небожителями всех этих лишений? Для Шахнала – а именно так звали служителя – стоил. С другой стороны, сам Шахнал не понимал дэйнов. Как можно отказаться от имени, прошлого, чувств и стать равнодушным орудием создателей? Зачем?

Да, каждый из этих двоих, ныне сидящих за одним столом, был по-своему ущербен, и воин прекрасно понимал это. Он еще помнил отчаянье собственной матери в тот страшный день, когда в их дверь постучался дэйн. И помнил, как отчаянье сменилось ужасом, когда семилетний сын, выступив вперед, согласился стать палачом магов и безучастно, не оглядываясь, ушел, оставив прошлое – дом, родителей, детство – за спиной.

– Вот ведь бестия, – усмехнулся жрец, и хотя глаза его остались колючими и холодными, было заметно, что он слегка расслабился. – Ладно. Не есть я сюда пришел, как ты сам понимаешь.

Тут уже и дэйн подобрался, внимательно приготовившись слушать Шахнала.

– Морака снова взялась за старое. И снова пришла в Аринтму. В остальных городах она не лютует, но у нас что ни год, то новая напасть. Здесь она сильна. И в итоге Маркусу надоела морока с колдунами. Вчера он явил свою волю. И воля эта такова: все закончить. Каждому разрешенному магу будет дарован шанс.

– Шанс?

– Кольцо. Каждый получит кольцо и месяц на спасение жизни и души. Над теми, кто найдет вторую половину, больше не будут тяготеть их назвища, и они смогут жить, как простые люди. Те же, кто не отыщет спутника или спутницу, – умрут. Ты знаешь, о чем я.

– Подожди. Кольцо? Спасение? Как эти две вещи связаны?

Жрец покачал головой, пытаясь подобрать слова:

– Ты знаешь, что колдунами никогда не становятся те, кто ходил к Чаше и взял кольцо? Конечно, не знаешь. А так оно и есть. Маркус защищает своих чад. Дает им не только любовь и семью, но и защиту от проклятия Мораки. Правда, эта тайна ведома лишь нам – молельникам.

– Почему?

– Чтобы искусов не было, – коротко ответил жрец. – Представь, сколько бросятся искать пару? А сколько найдут? И если не найдут, то что случится?

Он вздохнул и продолжил:

– Мое мнение о магах и их судьбе ты знаешь, так к чему переливать из пустого в порожнее? Однако те, что получили назвище, служат Маркусу. Поэтому им дается шанс.

– А те, кто не возьмет кольцо? И... колдуны? – Дэйн подался вперед.

– Мятежниками и ослушниками займутся такие, как *ты*. – Молельник потер лоб. – Служители сейчас ставят дэйнов в известность, и вы превращаетесь в палачей. Больше никаких поблажек. Морака слишком глубоко запустила когти в магов. Настолько глубоко, что Клетку придется очистить – иного пути нет.

– Очистить?

– *Проклятый дар* усилился в несколько раз. – Жрец тяжело вздохнул и продолжил: – Тех, кто помогает колдунам, – уничтожать безо всякой пощады, а самих колдунов развеивать без скорби и жалости. Ну и самое главное: ни в коем случае не подключать к поискам видий. Дэйны Аринтмы должны справиться сами.

– Почему?

– Видии – женщины. Они, в отличие от вас, думают не головой, а сердцем. Они не воины. Они не поймут. Поэтому не исключены обманы и подлоги. – Служитель передернул плечами и поднялся. – Я донес до тебя волю богов, – произнес он древний приказ, которому нельзя не подчиниться. Именно этими словами всегда заканчивались разговоры между служителями и дэйнами.

– И я услышал эту волю, – тут же отозвался дэйн, как всегда принимая распоряжение.

Он не раздумывал о мотивах. Не осуждал. Ему ни к чему были сомнения в правильности поступка. Сейчас дэйн планировал лишь насладиться принесенным ему лакомством и окончательно решить, достойна ли стряпуха занять место рядом с ним в качестве жены. В конце концов, именно ради этого он ходил столько времени в харчевню.

– Дэйн... – уже встав, но не повернувшись к нему, Шахнал щелкнул пальцами. – Чуть не забыл. Отныне все младенцы, рождающиеся с даром, не имеют права на жизнь, потому что дар отравлен Моракой. Дэйны больше не смогут выполнять свое предназначение.

Мужчина вздохнул, но ничего не ответил на последние слова. Эти двое поняли друг друга и спокойно вернулись каждый к своему занятию. Перед обоими стояла цель, и оба к ней шли.

Вот только их беседа стала достоянием еще одного – совершенно нечаянного – слушателя. И этот слушатель, скрытый невидимой защитой, стоял и сжимал кулаки от ярости и бессилия.

Зария и муки совести

Чернушка смотрела на красивую ткань небесно-голубого цвета. Сначала она нерешительно тронула нежный ситец кончиками пальцев, потом, робея, погладила ладонью, ощущая, как загрубелая кожа ласкается о мягкую ткань.

И лишь спустя несколько минут, осмелев, прижалась щекой к этому, как ей показалось, кусочку неба и закрыла глаза, вдыхая незнакомый и пока еще чужой запах наряда. Ей хотелось сидеть так вечно. Материал не пах ни печным дымом, ни мылом, ни потом, ни домом, ни едой. От него исходил едва уловимый незнакомый аромат новизны.

Зария представляла, как чьи-то руки где-то далеко-далеко отсюда безжалостно ткали эти голубые нити в крепкое полотнище. Как затем кто-то жестоко раскраивал их и больно резал ножницами. Как их шили, кололи булавками, протягивали через ситцевую плоть тугую мерезку...

Ей было жалко эту нежную ткань, которая, наверное, так страдала, прежде чем превратиться в платье... *ее* платье! Несчастливая калека знала, что такое боль. А еще знала, что сейчас думает какие-то глупости. Но у нее никогда не было такого красивого наряда. И вот она гладила его, как живое существо, которое так настрадалось, прежде чем нашло свою хозяйку. Гладила, наслаждалась прикосновениями, запахом и в очередной раз пыталась понять, что делать с неожиданной обновкой.

Нет-нет, надеть такую красоту, что, выразительно сложив руки на груди, посоветовала Василиса, Зария не могла, как не могла и объяснить странной кухарке то, почему носит застиранные, залатанные лохмотья. Кому интересно бормотание убогого создания, которое способно вызвать в душе только одно свербящее чувство – толкнуть или обидеть посильнее? Ущербное подобие человека, жалкое, ничтожное и оттого вдвойне противное...

Даже Лиска и та при первой встрече хотела сделать ей больно – Зария видела. Чего она до сих пор не понимала – как новая стряпуха борется с собой? И зачем? Ведь никто прежде не утруждался подавлением той злобы, которую вызывала наследница лантей. Только вот не злоба довлекла над Василисой, а раздражение, причем не на саму Зарию, а на что-то другое.

И... вот оно – платье. Яркий кусочек неба, сотканный и сшитый на ладную милосердную девушку, а не на тощую хромоножку. Наряд будет велик Зарии в груди, пожалуй, широковат в талии, а левая сторона красивой юбки и вовсе станет волочиться по земле, быстро обтреплется и порвется – кроили-то ее не на кривобокую. Но если подогнать платье по фигуре, то...

Пустые мысли. Глупые. Зачем, да и куда ей надевать это? И все-таки пальцы снова пробежались по мягкой ткани, такой нежной и приятной на ощупь. Что-то доселе незнакомое бередило душу, манило, призывало надеть обновку, сулило счастье, которого никогда не знала чернушка.

– Это еще откуда?!

За разглядыванием платья Зария упустила момент, когда рядом с ней оказалась свекровь. Девушка вздрогнула всем телом и схватилась за горло, словно испытала приступ удушья. Когда это матушка успела проснуться? Еще же и за окном темно! Неужто?... Запоздалая догадка осенила слишком поздно.

А дородная румяная женщина, возникшая в дверях темной каморки, теперь возвышалась над своей жертвой, склонив обвитую седеющей косой голову.

От одного звука глубокого, исполненного зарождающегося гнева голоса сноха сжалась, пытаясь сделаться маленькой-маленькой.

Голубой наряд так резко выдернули из дрожащих рук, что подол больно хлестнул Зарию по глазам.

– Да ты никак расфуфыриться вздумала, поганка бледная? Спасибо, что не на бархат и шелка раскошелилась, краса ненаглядная!

– Матушка... – прошептала «краса», – я не покупала...

Тяжелая затрещина пришлась прямо в ухо. В голове загудело, а злобный голос с истеричными нотками зазвучал откуда-то сверху, умножая боль:

– Ты по какому праву деньги потратила?! Муж работает день и ночь, а ты уборы покупаешь?!

В этот момент смысл сказанного Зарией дошел до ее обличительницы, и та с еще большим гневом зашипела:

– Ах, не покупала... Приворываешь, стало быть? Или, может, с другими калеками милостыню просишь под воротами храма? Ну? Отвечай!

И снова град затрещин.

Зачем? За что? Почему они ее мучают? Зария не слышала оскорблений, которыми ее щедро одаривала свекровь, не чувствовала ударов, сыпавшихся на голову и плечи, она смотрела на кусочек неба, безжалостно зажатым в полной руке и теперь смятый, словно обычная тряпка. Маленький кусочек неба, маленький кусочек счастья, которое ей почти довелось испытать, к которому довелось прикоснуться. Что-то мучительно и безвозвратно умирало в ее душе.

Странное, необъяснимо упоительное желание *жить*, растревоженное в девушке прикосновением к нежной ткани, постепенно затихало. Больше не осталось сил бороться. Да и за что бороться? За право быть униженной и избитой? За право радоваться копеечной вещи, подаренной из жалости и сразу же отобранной более сильным? За право делать грязную работу и терпеть чужие насмешки и тычки? За что?

Она сломалась.

Жалкое подобие человека съежилось на полу в комочек, прикрываясь руками и подтягивая ноги к животу. Умереть. Ей хотелось умереть. Нет, матушка никогда не была так больно, как Кирт. Ну, похлещет, покричит и успокоится, но... упала сейчас девушка не от боли. Просто в теле больше не осталось сил на сопротивление, пускай и молчаливое.

Хотелось лежать, сжавшись на деревянном полу, и надеяться, что вот-вот, сейчас, еще через пару мгновений все прекратится. Совсем все. И несчастная жертва медленно уплывала по тихим волнам безразличия. Далеко-далеко и высоко-высоко над ней мать и сын о чем-то говорили. Она слышала слова, но не понимала их.

– Чего это с ней? Неужто загнулась наконец? – недоверчиво и брезгливо.

– С подзатыльника-то? Придуривается. Ну-ка...

Грубые руки ухватили ее под бока, поставили на ноги, встряхнули.

– Ты, чумичка, если мать еще раз напугаешь, *так* получишь, что небо с овчинку покажется.

Зария кивнула, она пыталась понять смысл слов, но упускала его. Да не все ли равно? Главное выразить покорность.

Муж поволок безучастную ко всему жертву на кухню и толкнул за стол. Она села и покорно взяла ложку. Свекровь с грохотом поставила перед снохой пузатую, исходящую паром миску.

– Ешь, уродина. И больше чтоб мне тут припадки не разыгрывала.

Снова кивок.

Чернушка медленно начала есть. Она знала, что эта похлебка, которую ей готовили раз в несколько недель, навариста, жирна, но вовсе не так вкусна, как кажется. Не могли родственники убить ее открыто, травили потихоньку.

А Зария каждый раз пользовалась единственным своим умением – отводить глаза, чтобы эту похлебку не есть. Но сегодня... она вычистила всю чашку, добросовестно и медленно жуя. Пусть так.

И на языке стало приторно-горько, а сердце затрепыхалось так сильно, будто бы девушка бегом преодолела долгий путь в гору. Медленно она встала из-за стола, одолеваемая ознобом, накинула на плечи полушалок и побрела в «Кабаний пятак». А то опять Багой бранить будет. Да и Василисе достанется...

Чернушка плелась по улице, не слыша ничего, кроме шума в ушах. Медленная тягучая боль расплзалась по телу. Дышать стало тяжелее, воздуха словно не хватало. Но все же Зария смогла доковылять до трактира, пройти на кухню и здесь медленно сползти вдоль стены на лавку.

– О, пришла! – обрадовалась Лиска. – Я уж заждалась. Там вон кисель кипит, крышку приоткрой, пока не убежал, а то Багой опять разорется. Вообще, он что-то моду взял постоянно нам с тобой выговоры делать, я сегодня возмущаться пойду. Надоел уже со своим занудством. Да и помощник нам бы не помешал, а то вон ты вообще ноги еле таскаешь...

Стряпуха продолжала что-то оживленно говорить, но молчаливая собеседница ее не слышала. Кое-как поднявшись, Зария мертвеющими руками взяла раскаленную крышку, сняла ее с кастрюли, а потом что-то загремело, и девушка осела на пол. Сердце выпрыгнуло из груди, и каждый удар пронзал тело болью, от которой хотелось кричать, да только не получалось – воздуха в груди стало совсем-совсем мало, какой уж тут крик.

Пол вдруг покачнулся. Неужели...

В этот самый миг, когда чернушка уже с благодарностью решила, что земные страдания наконец-то завершились, ее лица коснулись прохладные руки. Чуткие пальцы пробежали по залитому ледяным потом лбу, разнося по телу блаженное оцепенение, тяжелую голову приподняли, вынуждая смотреть в прозрачные глаза... незнакомые, нечеловеческие.

– Что болит? Что? – Умиравшую встряхнули.

Инстинктивно Зария прижала руки к груди, стараясь уменьшить боль, и этого движения оказалось достаточно.

Василиса отпрянула от помощницы, стремительным движением захлопнула кухонную дверь. Щелкнула тяжелая задвижка. Кухарка повернулась к плите и голой рукой сняла с огня котелок с кипящей в нем похлебкой – отставила в сторону. Щелкнула пальцами над пламенем, и оно вдруг из бледно-оранжевого стало зеленым и заревело так, словно могло прожечь насквозь железо и камень. Бух! Горшок с полки опустился в руки стряпухе. Шмяк! Деревянный ковшик опрокинулся, расплескивая воду. Снова щелчок пальцами, и холодная вода яростно забурлила.

В движениях Лисы не было суеты, только спокойная, выверенная стремительность. Она не смотрела по сторонам, не оборачивалась, не шарила в поисках того или иного предмета, лишь руки порхали, снимая с полок то одно, то другое.

Вот еще один щелчок пальцами, и кухарка, что-то неслышно приговаривая, начала бросать в бурлящий горшок возникающие прямо из воздуха травы.

Не будь Зарии так плохо, она бы уже, захлебываясь ужасом и криком: «Колдунья!», выбежала с кухни. Но, увы, сейчас девушка лишь тихонько поскуливала, глядя с пола на творящееся среди бела дня беззаконие. Еще один резкий щелчок пальцами – и в котелке что-то булькнуло, а по кухне разнесся запах смородины. Стряпуха проворно налила немного отвара в глубокую кружку и шагнула к Зарии.

– Пей!

Одной рукой она приподняла девушку, а другой поднесла к ее губам колдовское варево. Чернушка замычала и начала отчаянно мотать головой, рискуя расплескать только что приготовленное зелье.

– Пей, не то силой заставлю! – В голосе Василисы прозвенела сталь.

Испугавшись угрозы, а может, просто не имея более сил противостоять тому, кто заведомо сильнее, Зария осторожно пригубила. Питье оказалось прохладным и ароматным. Каждый новый глоток облегчал боль, заставлял кровь быстрее бежать по жилам, бодрил, наполнял силами. Казалось, вот-вот встанешь и горы свернешь.

А на вкус это был обычный чай, из тех, что хозяйки готовят всю весну и лето – щавель, листья мяты, малины, смородины... Чуть-чуть сладковатый и бодрящий. Но в нем был запах молодой листвы и весенней земли, ландышей и дождя, земляники и сосновой смолы. Невозможно описать, но Зарии казалось, будто она пьет *лето*! Жаркое, грозовое, ягодное, с яркими радугами...

Вот тонкие пальцы вцепились в кружку. Девушка судорожно делала глоток за глотком, давясь, почти захлебываясь, повинуюсь безумному, неодолимому, упоительному желанию жить. Чужие глаза бесстрастно наблюдали за ней, но вот чернушка сделала последний глоток, Васька моргнула... и снова стала прежней – беззаботной болтушкой с ямочками на щеках.

– Непутевая ты! – напустилась она на свою подопечную. – Совсем балда? Не евши из дома выходить? Садись, я лепешек нажарила. Сейчас перекусишь, сразу лучше станет. У меня так раньше было, проспишь на занятия, подскочишь, побежишь, даже стакан воды не выпьешь, а потом ка-а-ак скрутит – и тошнота, и дурнота, и пятна белые перед глазами... Есть надо по утрам.

Держа эту нравоучительную речь, она продолжила возиться у плиты.

Ну да. Есть. Зария с опаской покосилась на Лису, а когда стряпуха вышла из кухни во двор, сорвалась с места и, шатаясь, вбежала в зал харчевни. Взгляд привычно выцепил среди сидевших дэйна, и девушка уже кинулась к нему, но...

«Маги и колдуны – зло. Всякий, кто приютит мага, – приумножает зло. Дэйны – единственные спасители».

«Непутевая ты!»

«Всегда открывайте дверь дэйну».

«Сейчас перекусишь, сразу лучше станет».

Не могла.

Видимо, она и правда проклятая всеми уродина, раз не может подойти к дэйну и отдать ему Василиску. Не подругу, не родственницу, чужую странную девку, но... ничего плохого ни разу наследнице лантей не сделавшую. А в жизни Зарии таких людей не было. Может, только Багой... на свой лад.

И вот как этих двоих предашь? Одна – колдунья, другой – трактирщик, колдунью приютивший и – страшно подумать даже! – позволявший ей стряпать для стольких людей!

А вот она, Зария, ненавидимая всеми, ничего плохого только от этих двух людей и не видела. Как подойти, как наушничать? Что сказать? Да и надо ли? Не заметил дэйн колдовства – сам виноват. Этим нехитрым доводом оправдав себя, хромоножка вернулась на кухню и принялась чистить лук.

Глен и темные делишки

Он очень любил ночь.

Самое искреннее время суток.

Ночью, под покровом темноты, каждый из живущих мог быть самим собой – колдуном или магом, гулящей девкой или вором, страстным любовником или неверной женой... Ночью никто не притворялся. Темнота не скрывала людские пороки, но выводила их на свободу, а луна изредка освещала, показывая то, что пытались утаить.

Одним словом, он любил ночь за отсутствие добропорядочной лжи, за возможность быть тем, кем был на самом деле. Вором. Отступником. Сиротой. Колдуном-перевертышем. Человеком, которого никто не ждет. Тем, о ком никто никогда не заплачет. Да, ночь таким, как он, всегда нравилась больше дня.

Запустив пальцы в волосы, он вздохнул. Никогда за всю свою жизнь не сидел ночью дома. С того самого дня, как его – ребенка – выкинули за порог в темноту и холод. Да, с той поры Глен проводил на улицах города каждую ночь.

Страх? Нет. Свобода. Предвкушение.

Воспоминания захлестнули волной, моля подчиниться зову ночи и выйти вон из тесной комнаты... мужчина еле слышно застонал и стиснул зубы, усилием воли отгоняя опасные мысли. Нельзя, нельзя. Сейчас никак нельзя.

Вот только плохое настроение сразу же стало отвратительным.

Темная сущность магии поднималась в груди удушающей волной, грозясь выплеснуться на любого, кто окажется рядом. Она рвалась прочь, искала выхода, будоражила, волновала, пуская по нервам крупную дрожь. Со своим даром он научился справляться давно и без труда держал его в узде, но этот, новый... С таким ему еще не приходилось бороться. Подчинять *эту* силу получалось до крайности плохо...

Тот дар, что обрушился на беглого колдуна в избушке умирающей ведьмы, дар, который он схлопотал, оттолкнув девчонку и подставившись, не поддавался контролю. Оглянувшись, Глен смерил тяжелым взглядом спящую девушку. Каштановые кудри разметались по подушке, лицо кажется трогательно безмятежным... Просто пастораль – невинная пастушка на отдыхе! Колдун хмыкнул. Еще бы она не понравилась дэйну! Такая хорошенькая.

При мысли о дэйне всплыл в памяти и недавно подслушанный разговор. Темная сторона магии всколыхнулась. Надо выйти. Нужно донести до колдунов города то, что стало известно Глену, нужно спасти людей, нужно заставить сопротивляться. Сейчас, когда им всем уже нечего терять, мало кто откажется...

– Не мельтеши, – этот приказ, отданный сонным голосом, заставил его замереть. – Успокойся. Голова от тебя болит уже.

Лишь во сне она слышала его и воспринимала как равного. Лишь во сне с ним разговаривала. Как же это злило! Маг шагнул вперед, чтобы разорвать наконец нити, связывающие их мысли, когда девушка вдруг улыбнулась. Так ласково, с такой добротой, пониманием и с толикой лукавства... так, как не улыбалась никому. Злоба схлынула, оставив после себя лишь оцепенение. И через это оцепенение наконец-то пробился еле слышный зов... зов, который мужчина не мог оставить не услышанным.

– Мне нужно идти, – тихо сказал он.

– Куда-а-а? – капризно поинтересовалась спящая. – Ну, куда тебя несет?

И она потерлась носом о край одеяла:

– Нечего шастать по ночам. Спи.

– Нет.

Снова сопение. На этот раз попыталась спрятаться под подушку и еще пробубнила оттуда:

- Отстань. Мне твоё бухтение спать мешает. Завтра вставать рано.
 - Мне надо идти, слышишь? – Он начинал злиться, вот же строптивая кобыла!
 - Сам ты «кобыла».
 - *Ей* нужна помощь! – прошипел Глен, склоняясь над ложем.
- Глубокий вздох. И согласный кивок.
- Ладно. Топай. Только не зудь. Я хоть выплуюсь.

– Твою ж систему! Одно дело – топографический кретинизм – право с лево перепутать, свернуть не туда, дорогу обратную не запомнить. Но совсем другое – кретинизм врожденный. Это все равно как потеряться на детской площадке. Стоишь такая – справа песочница с грибком, слева качели в виде слоника, напротив твой дом, а ты потерялась. Как такую барышню назовут? Цензура не позволяет говорить правду. А кретинка – это слишком ласковое слово, совершенно не отражающее глубинную суть явления.

Вроде и головой не билась, и в детстве не роняли, но вот поди ж ты – кретинизм растет и развивается. Нет, мало путешествий между мирами, решила еще найти на свою толстую... – Василиса осеклась, огляделась и продолжила:

– На свои нижние сто десять сантиметров новых приключений. Зачем? Вот зачем ты решила прогуляться перед сном? Вася, я тебя не понимаю. Ты в своем-то городе периодически плутаешь. А уж здесь? Вот как меня угораздило связаться с тобой, такой дурой? Как теперь обратно идти? А самое главное – куда? Где это «обратно», впереди или сзади? Справа или слева? Где?

Девушка огляделась, чтобы еще раз убедиться в том, что жизнь преподнесла ей пренеприятнейший сУрпрЫз.

Стряпуха стояла в темноте незнакомого переулка. Ни огонька, ни искорки, ни фонаря. Ни-че-го. Если идти, так только на ощупь, да и то неизвестно куда. К тому же на ощупь идти не хотелось. Кто его знает, чего там нащупаешь, может, сама не рада будешь? В итоге Лиска не нашла ничего лучше, чем просто сесть на порог ближайшего дома и начать диалог с самой собой.

Привычка полезная, заставляет мозг работать, да и зловещую тишину ночи разбавляет. О том, что кто-то, исполненный вовсе не рыцарских побуждений, может выйти на ее бормотание, девушка не думала, то ли в силу усугублявшегося кретинизма, то ли в силу необъяснимой уверенности в том, что не для того она в этот мир попала. А следовательно, кто-то должен ее спасти. Вот так вот ворваться в тишину ночи на горячем боевом коне, подхватить на руки, забросить в седло и помчаться в рассвет.

Хм, нужен крепкий рыцарь, чтобы, когда подхватывать будет, поясницу не сорвал. А то этак подхватит, а на лошадь забросить уже не сможет – разобьет параличом в форме буквы «зю». И чего тогда с ним делать тут?

– С другой стороны, – отвлеклась девушка от мыслей о рыцаре, – я тут уже почти месяц. Вроде пока никто меня не находит, мир спасать не заставляет. Может, про меня забыли? Или хуже того... я тут вообще *по ошибке*?

От этой свежей и, несомненно, отрезвляющей мысли Василису прострелило похлеще, чем ее воображаемого рыцаря. Девушка с отвисшей челюстью смотрела в темноту и обдумывала пришедшее в голову откровение. *По ошибке...*

Это что ж значит? Придется спасать себя самой?!

Осознав всю тщету рассуждений, заблудившаяся кухарка горестно вздохнула и подтянула колени к груди. Двигаться не хотелось. К тому же... чего суетиться-то? Можно ж просто пересидеть тут до утра, а с рассветом заняться поиском обратного пути. Опять же люди

на улице появятся, кто-нибудь уж точно знает, где находится Багоев «Кабаний пятак», а значит, что-то да решится.

Ночь была теплая, хотя и темная, ветер приносил запахи листьев, земли, травы... Девушка вдруг поняла, что наслаждается.

– А может, и нет у меня врожденного кретинизма, – задумчиво проговорила она, прикрыв глаза и приваливаясь плечом к столбикам чужого крыльца. – Так, легкая форма глупости...

Перехлестье. Василиса и незнакомец

Есть безмятежное очарование в раннем городском утре. Улицы еще пусты, и бледно-розовые краски рассвета несмело ложатся на крыши домов, кроны деревьев и мостовые, а робкий туман скользит по переулкам, медленно растворяясь. И тихо-тихо...

Васька дремала, зябко обхватив себя за плечи, и ждала, когда прохладный ветерок донесет до нее отзвук чьих-нибудь шагов. Нет, ну должен же хоть кто-то тут пройти?! Однако слышно было только шелест листвы да поскрипывание деревянного флюгера на крыше соседнего дома. Незадачливая искательница приключений поерзала на ступеньках, шумно зевнула и собралась уже снова погрузиться в полудрему, когда вдруг...

Где-то совсем близко мяукнул котенок. По улице эхом разнесся тонкий придушенный писк, какой животное издает, если ему прищмят хвост или наступят на лапу. Стряпуха мгновенно вскинулась на своем насесте и огляделась. Странно. За все то время, что она провела в этой диковинной реальности, кошки на глаза не попадались ни разу.

– Я тебя, чучело неблагодарное, научу уму-разуму!

ТРЕСТЬ!

Василиса подскочила. Звук тяжелой затрецины вывел ее из состояния созерцательного оцепенения.

Снова жалко мяукнуло существо, принявшее на себя удар. Живо оно там или нет, но спасение все равно летело к нему, колышась всем телом. Лиска кинулась на звук с проворством, не свойственным ее комплекции, а самое главное – ее топографическому кретинизму.

– Ой! – Она не успела остановиться и чуть не влетела носом прямехонько в широкую грудь мужчины, выходящего из-за угла. В последний момент девушка затормозила и, взмахнув пальцем перед лицом незнакомца, прорычала: – Стой здесь и жди! Не двигайся даже!

Лиска ни на миг не задумалась о том, как выглядела при этом со стороны – этакая яростная кудрявая болонка выскочила из рассветного полумрака, тьякнула на опешившего путника и стремительно скрылась в проулке. Просто Моська, сорвавшаяся с привязи!

Однако спасение жалобно мяукающего существа нельзя было откладывать ни на секунду. Когда защитница примчалась к месту трагедии, ее взору открылась удивительная картина.

Возле распахнутой калитки покосившегося дома стоял, для верности держась за деревянный столбик забора, в дупель пьяный мужик. Он угрожающе покачивался из стороны в сторону, сжимая кулак и источая дивные миазмы шагов на пять вокруг.

На дороге перед этим отважным витязем скорчился бесформенный комок, похожий на ворох тряпья, сотрясающийся от дрожи и неуклюже пытающийся отползти.

– А ну стой! Стой, я сказал! – невнятно бузил дебошир, пытаясь наподдать ногой медленно ускользающей куче.

Впрочем, чтобы пинок состоялся, мужику следовало отпустить столбик забора, который служил ему точкой опоры и равновесия. А на это буян пойти не мог. После такого неосторожного поступка он рисковал незамедлительно оказаться в одинаковом положении со своей жертвой, то есть на земле, на карачках и без возможности подняться. Поэтому он продолжал трясти кулаком и шипеть сквозь зубы:

– Ползи сюда, мразота проклятая. Быстро!

Васька, подбоченясь, наблюдала за этой феерией маразма, когда вдруг увидела, как куча мусора... послушно двинулась ближе к мучителю, чтобы ему было удобней ее пнуть!

– Когда ж ты сдохнешь-то, а? Сколько лет уже мне душу мотаешь!

От злости пьянчужка совсем осмелел и даже отпустил деревянный столбик, служивший ему осью мироздания. Увы. Закон земного притяжения в этой реальности действовал ничуть не хуже, чем в любом другом, поэтому бузотер потерял равновесие и рухнул на мостовую, матерясь на все лады.

Елозя по земле, словно майский жук, упавший на спину, мужичонка совсем осатанел. Он сучил ногами, дрыгал руками, но рыхлое тело не хотело подчиняться, а пузо только бесильно колыхалось из стороны в сторону. Василиска наблюдала эту омерзительную сцену и думала только об одном: «Угораздило же!» Да, зрелище было не для слабонервных. Вот, наконец, пьянчужка поднялся на четвереньки, потом кое-как, держась за забор, на ноги, наклонился, сгреб пятерней кучу тряпья и как следует встряхнул.

И тут Васька поняла, кого пытался побить этот козел. Толстая черная коса, намотанная в толстом кулаке, искаженное болью лицо, длинная челка, закрывающая глаза... Зария была даже слабее котенка. И куда более жалкая. Потому что она не сопротивлялась.

– Ах ты, урод! – этот визг разнесся по тихим улицам, нарушая благообразное умиротворение летнего городского утра.

Многокилограммовый смерч налетел на обидчика и сбил его с ног.

Василиска нависла над Зарией и вздернула ее на ноги, гневно отчитывая:

– Да что ж ты какая?! Взяла бы да и врезала ему поперек хребта или по... куда-нибудь еще!

Но спасенная безропотно молчала, только в глазах застыло выражение растерянности и непонимания. Одним словом, не валькирия. Даже не рядом.

Обидчик тем временем снова кое-как поднялся, огладил плешистую голову, художественно укладывая волосенки, и взвыл, переходя на роскошный дискант:

– Да ты кто-о-о?!

– Смерть твоя! – рявкнула стряпуха ему в лицо, и буян в растерянности отпрянул.

Лиска же поспешно начала приводить Зарию в порядок: поправляла разорванное ветхое платье, поворачивала лицом то так, то эдак, чтобы разглядеть следы багровых кровоподтеков.

– А-а-а! – заорал тем временем мужик и резко присел, раскинув в стороны лапищи. – А-а-а!

Васька сразу же вспомнила фильмы про эзков. Обычно в тюремных камерах так вели себя паханы. Осталось только рубаху на груди рвануть.

Стоит признать, на миг стряпуха обмерла. Поскольку по всему выходило, что тут собирались либо порвать кому-то пасть, либо выколоть моргалы. Раз уж Зария боец никакой, то сначала, наверное, пасть должны порвать ее заступнице, а моргалы чуть попозже выколуют чернушке. Но пока Лиса тормозила и печалилась о грядущей участи, чей-то холодный голос отчеканил:

– Ты чего, козел, тут приседаешь? В нужник, если приспичило, сходи. И клешни свои сложи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.